

Ольга Краузе

КАТЪКИН САД

Ольга Краузе

КАТЪКИН САД

*художник-иллюстратор
Тамара Пагава*

Катюшкин Сад

светлой памяти

Татьяны Шуневич
Олега Ульба
Сергея Щербакова
Григория Андреева
Валентина Свиридовского
Евгения Усачева
Александра Заремба

посвящается

Ольга Краузе

НАСЛЕДСТВО

Странно в солидном возрасте узнать, что отец жил рядом, на соседней улице, а не утонул на ходовых испытаниях засекреченной подлодки. Он вообще, оказался простым официантом вагона-ресторана, а под конец и вовсе гардеробщиком театра, в котором ты проработала бухгалтером всю жизнь. И ведь она хорошо его знала, он ей нравился. Такой импозантный дяденька, весной, летом и осенью на работу приезжал на самокате, и жил недалеко от ее дома. Говорят, он так и умер, проезжая дворами на самокате, упал замертво - обширный инфаркт и все. Мамочка бы и дальше молчала, но отец завещал дочери хорошую квартиру на Литейном проспекте и дом с участком в Разливе.

Теперь, вступая в права наследства, дочь разбирает отцовские вещи. Возиться хочется самой, без никого, заглядывать в каждый ящик, на каждую полочку, пытаюсь узнать про отца как можно больше.

Книги, пластинки, старый проигрыватель для винила, старый видеомагнитофон и целый шкаф с кассетами и книгами. На журнальном столике толстая тетрадь. Можно, конечно, отложить в коробку и почитать потом, но взгляд сам зацепился за слово.

КРАХ

Сегодня видел дочь. Не просто видел, а кивнул на правах знакомого. И она кивнула. Уже привыкла, что я рядом, на троллейбусной остановке, в булочной, на соседней ступеньке эскалатора в метро. Ах, как жаль, что у нее нет собаки! Если бы она завела собаку, то я непременно завел такую же, только противоположного пола, чтобы вместе выгуливать и может быть даже породниться, хотя бы собаками. А несколько дней тому я шел рядом с женой. Она не узнала меня, и я совсем близко прошел с ней до самой парковки, где она села в свой фордик и уехала. Да, меня не просто узнать – старый, лысый. Вот и на пенсию выхожу. Друзья предложили три хороших места работы гардеробщиком. Но хочется ближе к дочери. Обещали похлопотать и там.

Ольга Краузе

Судьба свела меня с будущей супругой еще в школьные годы, во Дворце Культуры имени Газа, куда мы ходили в один и тот же судомодельный кружок. Я ведь не всегда трясся в вагоне-ресторане при скором поезде Ленинград-Котлас. Когда-то закончил корабелку и работал инженером в ЦНИИ имени академика Крылова, получив с женой распределение после института, благодаря ее отцу, ведущему специалисту отечественного судостроения. Все условия для достижения цели. Я мечтал построить свой пассажирский лайнер. Интересная работа, красивая жена, чудесная дочка. Что еще нужно? О чем еще можно мечтать? И все бы, наверное так и шло, если бы не одна встреча, которая разрушила эту судьбу и начертила совершенно другую.

Мы встретились в Николаеве, куда я был направлен в служебную командировку на Черноморский судостроительный завод. Там заканчивалось внедрение

Катюшкин Сад

автоматизированной системы плазмотехнологической подготовки производства. Ко мне прикрепили молодого специалиста, в качестве сопровождающего. Звали его Славик. За день до отъезда, после вечернего заплыва в море у старого, нерабочего заводского пирса, мы зашли ко мне в катоту на плавбазе, где я квартировал на время командировки. Какая искра пробежала между нами, я не способен объяснить до сих пор. Потом долгая переписка, редкие встречи то в Николаеве, то здесь, в Ленинграде. Я влюбился, я ничего не соображал. Я разрывался между семьей и этим сумасшедшим романом. Славик сделал все возможное и невозможное, чтобы поступить в аспирантуру к нам, в Ленинград.

Однажды за нами банально подглядела хозяйка комнаты, которую Славик снимал в соседнем подвале нашего дома, и устроила грандиозный скандал с

Ольга Краузе

вызовом милиции. Дело замяли, суда удалось избежать, но я потерял жену, дочь, дом и любимую работу. Славика с треском выгнали из аспирантуры и в принудительном порядке отправили на Благовещенский судостроительный завод с понижением в должности. Его отец, такого позора не пережил и умер от инфаркта.

Мой отец, больше не хотел меня видеть, а мамушка заявила, что они, конечно, прощут меня от жены обратно к себе, но чтобы я к ним не вздумал являться, потому что ПОСЛЕ ЭТОГО у них сына больше нет.

Кто я теперь? – Никто. Мотался официантом сначала на Дальний Восток, до Благовещенска к Славику и обратно. А ведь готов был сам в Благовещенск переселиться, но мотался, поскольку даже при такой страшной развязке, любовь не проходила еще долго. Это Славика она остудила на столько, что он видеть меня больше не мог, мне же было достаточно одним глазком на него глянуть, чтобы жить и дышать дальше. Потом Славик пропал. Через три месяца за вокзалом, в растаявшем по весне сугробе, нашли предположительно его обглоданные крысами останки. Что с ним произошло – неизвестно. Местные говорили, будто каждую весну обнаруживаются вот такие «подснежники», и это стопроцентный «глухарь» для милиции. Не было тогда еще никаких анализов ДНК.

Катькин Сад

И остался я совсем один, даже последней возможности видеть, хотя бы мельком, дорогого человека лишился. Последняя ниточка в душе оборвалась. Долго колесил по стране, превратился в азартного спекулянта. Наша контора имеет аббревиатуру ХПВР, что означает Хозрасчетное Предприятие Вагонов Ресторанов, а между собой мы ее расшифровываем, как Хрен Поймет Вашу Работу. Здесь главное вписаться и крутиться. Я крутился. Мне не нужны были ни отпуска, ни выходные, необходимо было пахать, чтобы забыться. Обычно, в такой отчаянной ситуации, люди или спиваются, или становятся наркоманами. Но я чистоплотой. Вид грязного, опустившегося человека мне отвратителен. Такого человека жаль, но отвращение сильнее жалости. Работа в вагоне-ресторане отнюдь не стерильная, но предоставляет возможность регулярно мыться и менять белье. Потому я и выбрал такую профессию.

ДОМ ДОЦЕНТА

Между рейсами заглядывал в Катькин Сад, сидел на лавочке, смотрел и слушал, пытаюсь осознать все произошедшее со мной, ну и просто от дикого одиночества. Там наткнулся на моего институтского преподавателя по гидродинамике. Вернее он сам окликнул меня. Сели рядом, покурим.

- Я в курсе скандала, который с тобой произошел.

- Что, и до нашего института докатилось?

Ольга Краузе

- И до нашей кафедры. Тебе хоть есть где теперь жить?

- На сортировочной станции, в вагоне-общезимнии.

- У меня домишко в частном секторе, в Разливе. Ничего особенного, но комнату тебе выделю. Денег за постой не возьму, не те условия. Одному дом трудно чинить, да ремонтировать. А ты, как я помню по лабораторным, головастый и с руками.

- Странно, что Вы меня запомнили.

- А мне так было странно наблюдать за твоим романом с этой красоткой. Ну, а докатившийся до нас грандиозный скандал в вашем семействе, совершенно не удивил.

- Хотите сказать, что по мне видно, что я способен на такие отношения?

- Способен? Да у тебя на лбу это написано крупными буквами! Пойми, чудак-человек, мы «своих» чуем за километр.

- А я не чую.

- Еще не огляделся, не обтерся. Ладно, через час последняя электричка, поехали.

Так я поселился у Доцента.

Хозяин нового жилища был деликатный и не навязчивый. Мы подружались, я привязался к нему настолько, что в конце каждого рейса уже скучал и не дожидаясь электрички, брал такси до Разлива. У меня снова был дом и человек, который встречал в этом доме, и даже была собака, и

Катюшкин Саг

кот, и все они радовались моему возвращению. Я вез подарки, вез праздник, я вез свою любовь. Да-да, это безусловно была любовь, не такая сумасшедшая и страстная, как со Славиком, а другая, зрелая что ли.

Дом Доцента окреп. Крышу перекрыли оцинкованным железом, веранду надстроили, сломали старый сарай и на его месте поставили гостевой домик для дачников. Постояльцами стала солидная супру-

Ольга Краузе

жеская пара филологов из университета, которые принимали нас за родных братьев и это устраивало всех. Через какое-то время Доцент защитил докторскую и стал профессором. Но я по-прежнему звал его Доцент – привычка. И ему нравилось. Конечно, скребла в душе досада, что нет мне места на его институтских праздниках, но такое уж положение вещей, что с женой на мероприятие заявиться можно, а с другом, тем более таким скандально знаменитым, никак.

Я продолжал колесить по стране. Вероятно, именно встречи и расставания укрепили отношения с Доцентом на долгие годы. Пятнадцать лет пролетели, как один день. И день закончился, когда Доцента не стало.

Все произошло неожиданно. Он ежегодно ложился в свою ведомственную больницу на профилактику и я спокойно отправился в очередной рейс, а вот теперь, когда вернулся, то забирать его уже пришлось из морга. Все кончилось. Думал, что проживу с ним жизнь. А Доцент думал иначе и за два года до кончины, составил завещание, в котором единственным наследником был я.

Началась перестройка, те самые беспросветные девяностые. Я работал, катил телегу по вагонам, торговля шла то густо, то пусто, пассажиры в плацкарте пропитание в дорогу брали с собой или ехали натоцак, купейные вагоны почти пустовали, а в СВ беспросветные пьянки новых

Катюшкин Сад

русских с бандитами в перемишку. Между рейсами тосковал страшно. Видел, как люди голодают и думал о родителях, о дочери. Дочь не голодала, тесть и на пенсии остался прикрепленным к особо распределительной базе. А вот мои родители... Ездил к нашему дому в Автово, на улицу Строителей. Ее как раз только-только переименовали в улицу Маринеско. Стоял под родительскими окнами. Как-то не выдержал и позвонил. Трубку взяла мать.

- Мама, как вы?

- Если беспокоишься, что тебя выписали, то ты плохо о нас думаешь.

- Я не об этом. Как у вас с едой?

- Не густо, но в куске хлеба не откажу и талонны, которые тебе полагаются, на сахар и алкоголь тоже можешь забрать. Завтра утром отец поедет на овощебазу за картошкой, вот и заходи.

На следующее утро я привез ей целый багажник провизии, молча выгрузил все в прихожей, вручил свой номер телефона и ушел.

В тот же день я отправился в рейс, а когда вернулся, на автоответчике высветились три звонка от родителей. Голосового сообщения не было. Видимо, услышав голос Доцента, они просто вешали трубку. Да, на автоответчике звучал голос Доцента. Это все еще был Наш дом и телефон. И я никак не мог отучиться готовить ужин на двоих.

Перезвонил родителям. Трубку взял отец. Я повесил трубку. Теперь два раза в месяц привозил

Ольга Краузе

или продукты. Вот и все родственные отношения, и так до самой смерти отца. А, когда отца не стало - забрал мать в Разлив, а родительскую квартиру сдал внаем.

Я снова не одинок. Очевидно прежняя мамина суровость была от brutального папаши. Теперь она быстро оттаяла и мы зажили душа в душу. Но годы, годы, годы. Потом и мама покинула меня.

Жить одному в Доме Доцента стало невыносимо. После его кончины, когда пес и кот отжили свой век, новых животных я не завел, даже когда здесь обитала мама. О серьезных романах не помышлял, не хотел больше никаких привязанностей, да и не представлял, как это возможно ввести в Дом Доцента его заменителя. Через Гишпанца, приятеля по Катюкиному Саду, сдал дом в аренду одной ювелирной мастерской, а родительскую квартиру продал и купил другую, на Литейном, недалеко от бывшей жены, чтобы видеть, как вырастет моя дочь. А что если когда-нибудь удастся познакомиться с ней настолько, что я смогу пригласить ее в гости? Понимаете - это лишь мечты. Сколько раз, в таких мечтах я, то защищал ее от хулиганов, то выносил из огня. Прямо асадовщина какая-то! Ведь все напрасно! Я ее матери такое оскорбление нанес, что вряд ли мне когда-либо будет позволено назваться ее отцом. Какой я отец? Жена даже от алиментов отказалась, а все мои попытки хоть какие-то деньги отправить семье, тещем пресекались. Единственная

Катюкин Сад

отдушина в Ленинграде, как и у многих таких, как я, был, есть и будет Катюкин Сад.

Днем, пока не стемнеет, здесь обитают шахматисты, туристы, художники. Но вот наступают сумерки, и в темных аллеях уже совсем другая жизнь. Так издревле повелось, что именно это место Санкт-Петербурга, Петрограда, Ленинграда и снова Санкт-Петербурга собирает под вечер голубых. Тех самых людей лунного света. И никакие облавы и рейды дружинников, милиционеров, полицейских, казацких патрулей не способны оборвать традицию. Здесь знакомятся, ссорятся, мирятся, делятся новостями. Отсюда разносят сплетни одна невероятнее другой. Здесь продают и дарят ночи страсти, любви и порока. Невозможно рассказать про всех обитателей

Ольга Краузе

этого места, хотя каждый интересен по-своему. Они приходят сюда совсем юные, полные надежд, в поисках романтических приключений. Здесь они теряют свои иллюзии, порой опускаются на самое дно, или возносятся до небес. Здесь или помогут или погубят. Это волшебное, романтическое, порочное, комичное и страшное место. Приют заблудшей души, приют фантастического бреда. Зачем я решил рассказать про обитателей этого места? Чтобы вспомнить людей, с которыми меня свела похожая с ними судьба.

ГИШПАНЕЦ

Что общего у популярного актера театра и кино, обладателя звания народного артиста РСФСР, с обыкновенным водителем трамвая? Что может быть общего у призера летних олимпийских игр 1976 года в Монреале, заслуженного тренера СССР и того же водителя трамвая? Или заведующего отделом ковров в универмаге Гостиный Двор, настоятеля православного храма при одном из городских кладбищ с тем же самым водителем трамвая? Что, они все ездят именно на его трамвае? – Нет! Их объединил Катькин Сад. И не шахматные турниры, а темные аллеи глубоких сумерек. Потому что все они «люди лунного света».

Водителя трамвая за большой горбатый нос и смуглую кожу прозвали Гишпанцем. В компании Гишпанец был незаменим. Вот кто,

Катякин Сад

действительно, великий комбинатор. В эпоху всеобщего дефицита он отладил такие схемы, благодаря которым у нас почти получился внутренний, междусоборочный коммунизм. Через него мы были записаны в разных очередях за дефицитными товарами. Номера этих очередей можно было либо продавать иногородним, либо менять на услуги хорошего портного, парикмахера-стилиста, черного маклера по

обмену жилплощади. Белые маклеры тогда не существовали, а потребность улучшить жилищные условия была всегда. Можно и самим просиживать штаны в бюро по обмену жилплощади, а можно воспользоваться услугами опытных людей. Причем, у большинства из нас в голове ветер, а по-

Ольга Краузе

потому все наши дела вел Гишпанец, из чисто спортивного интереса. Может он и имел какую-то корысть, но мы от его гешефта ничего не теряли.

Все наши фарцовщики и другие деятели подпольного бизнеса, да и просто бездельники, не боялись больше статьи за тунеядство. Отдай Гишпанцу трудовую книжку и он ее «пристроит». Теперь у тебя есть справка с работы, и рабочий стаж засчитывается, а кто-то из наших имеет возможность заработать еще одну зарплату. Подрабатывали чаще парни из пожарных частей, кочегары и операторы газовых котельных, у которых своя работа сутки через трое и они просто на том же месте оставались бесшумно, что по трудовому законодательству запрещено, а по чужой трудовой запросто. Многие так и жили на работе, и в Катюкин Сад заглядывали редко, но зато мы знали их рабочие точки, и это были и наши места гостевания, на предмет расписать бутылочку под крышей в зимние или просто непогожие вечера.

Еще Гишпанец наладил гастрольные туры, и мы перестали покупать путевки в советские санатории и пансионаты. Зачем, когда везде есть люди «лунного света», которые рады принять гостей из Питера, хотя бы ради того, чтобы самими однажды тоже посетить славный город Питер, прогуляться по Невскому проспекту, и заглянуть в Катюкин Сад. Оказалось, что в каждом городе есть свое такое сакральное место, свой Катюкин Сад. И если тебя отправили в командировку, а заброниро-

Катюшкин Сад

нирывать номер в местной гостинице забыли – ищи место сборища «братьев по духу». Но, чтобы не вляпаться в историю, лучше заранее запастись путеводителем у Гимпанца. Он сам его составил, отпечатал на машинке под копирку и через наших размножил на синьке в одном проектно-институте. Составленной Гимпанцем путеводитель дополнялся, редактировался, размножался и распространялся во многих городах среди наших людей. Особенно его распространению способствовали профессиональные гастролеры, как правило, молодые ребята, без особого образования, специальности и каких-либо навыков к труду, существующие за счет гостеприимства одиноких мужчин. Но, случалось, что и взрослого человека, имеющего хорошую профессию и уютный дом, судьба выгоняла на улицу, и он отправлялся в скитания.

Ольга Краузе

НИФЕРТЕТКА

Эта «дама» своим появлением взбудоражила весь Катюкин Сад. Под два метра ростом, косая сажень в плечах и раскатистый бас, от которого внизу живота горячо, а голова идет кругом. Грозная царица

алма-атинской голубой панели, Одинокая Мужчи-на Вася по прозвищу «Нифертетка» ступила на нашу грешную землю, оставив далеко у подножия гор Зашийского Алатау легенды, сплетни и каверзные анекдоты о своей персоне.

Как звали его на самом деле, никто не знал. Ведь мы никогда осторожностью не славились, за что часто были биты и ограблены, не ста-

Катюшкин Сад

новьясь от этого умнее. Короче, в паспорт к Нифертежке никто не заглядывал.

Он родился где-то в горах Казахстана. Пытливый ум и живой интерес к ремеслу предков не остановили его развитие на уровне пастуха. Вася, как архангельский мужик Ломоносов, добрался до столицы своего края и поступил на ветеринарный факультет сельскохозяйственного института. Происходя из казахов Младшего Жуза, он специализировался на крупном рогатом скоте, поскольку верблюды, лошади и коровы ему родней и понятней, чем французские болонки и шамские кошки.

И была у Васи «одна, но пламенная страсть»: Вася любил военных, особенно солдат. Потому выходные посвящал прогулке по казармам.

«Встуду жизнь» - гласит надпись на картине Николая Александровича Ярошенко. Эту картину в Третьяковской галерее люди рассматривают уже более ста семидесяти лет. А кто понимает ее до конца? Вот и Васиная страсть подпадала под уголовную статью, хотя страсть свою он удовлетворял без угроз, шантажа и насилия, полубовно и с половозрелыми гражданами.

Давно замечено, что действия совершенные под страхом уголовного наказания, людей спланивают.

Тайна объединяет. Именно через военных Вася узнал, что в Алма-Ате завершается строительство восточной бани и идет набор на курсы массажистов.

Ольга Краузе

И Вася стал самым лучшим массажистом восточной бани тогдашней столицы Казахстана. Таких, что если ты не космонавт, не партийный чиновник, не директор универмага, то попасть к нему уже практически не реально.

Конечно, занимать такое место и не иметь врагов просто невозможно. А если у тебя еще и «пламенная страсть», которая подпадает под статьи уголовного кодекса?

Тота Радава

Вот так, однажды, в васином кабинете нарисовался засланный юноша, с которым его застукали в неприглядном виде, и отпираться было бесполезно.

Катюшкин Сад

Как уже написано выше, действия совершенные под страхом уголовного наказания, людей сплачивают. Тайна объединяет. Друзья не дали довести дело до суда, но из города, как и из родной республики, пришлось бежать.

Вот так банально и весьма традиционно для голубой породы на просторы Невского проспекта явилась Нифертетка, Грозная Царница Алма-атинской панели, Одинокая Мужчина Вася, сплетни и байки о которой гуляют по Катюшкиному Саду до сих пор.

Поселился Вася на Невском проспекте, нанявшись дворником, при кондитерском магазине «ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ». Весьма символичное место для Нифертетки. Его малюсенькая дворницкая квартирка была уютна и гостеприимна. Помимо дворничих обязанностей, он устроился массажистом в физиотерапевтический кабинет сороковой поликлиники. Той самой, которая до сих пор обслуживает художников, артистов, писателей и прочих, пристегнутых к официальным кормушкам типа управления культуры и всяческих творческих союзов с театральными деятелями. Вася снобизмом не страдал, а выбрал эту поликлинику, как самую ближайшую от места проживания. Зашел прямоком в кабинет главврача и предъявил рекламный журнальчик Алма-атинской интуристской гостиницы, где он, в белом халате с группой благодарных космонавтов и еще там были пара фото, где он непосредственно под куполом парной, об-

Ольга Краузе

работывает что-то спину.

В сороковой поликлинике, естественно, все вакансии были заняты, но подставка уборщицы для Васи нашли, тем более что он и так оформляться мог не по трудовой книжке, а по справке с работы, а в справке значилось, что Вася дворник. А Васе-то что? Ему бы к любимому делу вернуться, квалификацию не потерять. Таким образом, постоянной клиентурой для частной практики Вася обзавелся быстро.

«Я труженица, а не какая-то там бичиха!»
гордо заявлял Нифертетка, когда кто-нибудь из
гостей восхищался свежеприобретенной зарубе-
жной аудио-видео аппаратурой и интересовал-

Катюшкин Сад

ся ценой приобретения. На просмотры заграничных фильмов собиралась весьма пестрая компания. Подробный список гостей его хлебосольного дома до сих пор безопаснее не разглашать. Туда же не только деятели культуры захаживали. Вы же помните, что Вася любил военных. Он и в Питере оставался верен своей «пламенной страсти».

Нифертетка терпеть не мог телевизор, а без него видик не прокрутить. И, когда кто-то случайно нажимал не на ту кнопку и включались новости, он театрално всплескивал руками:

- Убери, убери эту гадость! Ужасно в мире! Родина в опасности! Видеть не хочу!

- Вася, там новости с полей.

- Тем более! Про поля надо песенки петь, а не враки рассказывать! Вот послушай: На дальней станции сойдууу, трава по пояс... У меня, правда, слуха нет, но песня-то красивая! А мы всякую глупость должны выслушивать. Ой, что-то душа за Родину заболелась, надо капельки принять. Ты будешь?

- Капельки были не иначе, как хороший армянский коньяк. Про существование «Наполеона» узнавали исключительно из кино.

- Так я за Родину переживаю! Тебе еще налить? Ну и правильно! Куда тебе, такому худому! Ведь опять Родина в опасности! Вотем же!

- Вася, мы в Афганистане вотем, это от Родины далеко.

- Много ты потишаешь! Раз там вотем, зна-

Ольга Краузе

чит там наша Родина и в опасности! Нет, что-то мало я капелек приняла. А ты закусывай, на пахлаву налегай, она свежая, а тебе поправляться надо. Вот потому-то я любого война-спермоносца без визгу удовлетворить готова, чтобы наша Родина... Эх! Былааа бы наша Роодина богааатой и счастливи-вот, а вывыше счастья Рооодины нет в мишире ниче-гооо!

Порнофильмы Нифертетка не любил.

- Может, как инструкция, это кому-то и нужно, а я в натуре такого насмотрелась, что и трапиться не стану. То ли дело искусство, где переживаешь за любовь, за их страдания. Я переживать очень люблю и, чтобы с музыкой.

Кто видел Нифертетку серьезной, без этой театральной маски восторженной идиотки? Почти никто. Гиппанец однажды сподобился - зашел некстати. Вася, молча, запустил его, буркнув:

- Тапки знаешь где.

- У тебя неприятности? Может, я уйду?

- Ага, как неприятности, так все разбежались!

Нет уж, сиди, терпи меня!

- Да, что стряслось?

- А почти ничего, кроме того, что полтора года каторжных трудов собаке под хвост! О-бо-кра-ли! Разве не видишь? В доме пусто, голяк! Ни видика, ни телевизора, ни-че-го! Все подлюка вынес замото любви! А я же еще и видеокамеру в комиссионке тока вчера приобрела, даже инструкцию

Катюшкин Сад

прочитать не успела. У меня инструкцию Эдвин забрал переводить. Там на французском. Кофе будешь? Я теперь только кофе пью, мне трезветь пора. А тебе накапато, если хочешь.

- Давай кофе, я тоже с тобой потрезвето. Ну, раз ты в курсе, кто тебя обчистил, то не все потеряно.

- Ой, ты же знаешь, что нам, таким странным людям, в милицию лучше не соваться.

- А ты в милицию и не суйся. У тебя столько друзей военных, неужели за жабры его не прихватят?

- То-то и оно, что он сам военный!

- Тем более!

- Да кому там надо из-за меня с кем-то ссориться, отношения портить? Кто я, а кто он! Я для них так, отхожее место. Обидней всего, что сберкнижку, гад, уволок. Она в одной коробке с кассетой запыкана была.

- Книжка на предъявителя?

- Не, на мое имя.

- Тогда с этого и начнем. Одевайся, бери паспорт и пошли в сберкассу книжку восстанавливать. Он с нее не сможет снять ни копейки.

- Ой, ты мне такое утешение и надежду даешь! Надо накапато.

- Вася, потом накапаешь. Тебе сейчас в кассе на людей дышать.

- Ага, главное запомнить: у меня ни кто ничего не крад, это я ворона!

Сберкнижку Вася восстановил, написав заявле-

Ольга Краузе

ние, что утопил ее случайно в Фонтанке, обронив сумку с Аничкова моста. По паспорту он, действительно, оказался Василием, а назван так в честь фронтового товарища своего отца.

Вернувшись домой Нифертетка напился и плакал у Гишпанца на груди.

- Ну, некрасивый я, знато! И что Чуркой-Гамадрилом дразнят меня за спиной, тоже знато. Хорошо, меня нельзя полюбить, мной можно только пользоваться! Так я же не против - пользуйтесь! За что же в душу-то плевать? Все, больше никаких гостей! Работать, работать и еще раз работать!

И он работал без продыху, и не принимал гостей, пока ему не вернули телевизор и видеомагнитофон.

Вернуть награбленное помог Гишпанец. С Васей у них было довольно прочное братство по причине все той же классификации по расовому признаку в среде «голубого профсоюза». Гишпанец водил трамвай. Работа сменная, а значит, что в некоторые будние дни он оказывался выходным. Вот в такие свои выходные, Гишпанец, прошелся по комиссионкам с техпаспортами от васиных пропавших сокровищ, и сверил номера, имеющегося там товара. Комиссионек, торгующих зарубежной техникой было не так уж и много. Двух дней Гишпанцу хватило для обнаружения пропажи.

Скандал поднимать не стали. Разобрались между собой. Вора обнародовали среди своих, и

Катюшкин Сад

больше в Катюшкином Саду он не появлялся. А мы, как и прежде, засиживались у Нифертетки за просмотром продукции тлетворного Запада.

В разгар перестройки, если бы Нифертетка многих из нас не подкармливал, нам было бы не выжить. Его манты вспоминаем до сих пор.

ЭДВИН

Большие черные глаза, смоляные волосы до плеч, орлиный нос и море обаяния. Наша компания называла его Ворон. Что за напасть выгнала такого красавца из Харьковского университета, где он изучал французский язык и литературу, на берега Невы мы не знали. Промаялся он у нас изрядно. Много рисовал. Жил то у одного, то у другого.

То, что имя ему Эдвин Лоранс, никто и не сомневался. Знать оперу, как Эдвин? Разбуди его среди ночи и спроси: Какие постановки нынче идут в La Scala? – он подробно расскажет и кто ставил, и исполнительский состав, и чьи костюмы с декорациями. Такие же познания про Венскую оперу, про наш Кировский, и про все советские оперные театры от Владивостока до Калининграда. А как он разбирался в мировой политике! Знал историю всех королевских династий Европы, последовательность всех президентов и диктаторов мира. Блестящий собеседник, способный очаровать кого угодно, умевший поставить на место любого хама. Как-то, в компании подвыпивший недоумок обозвал Эдвина жидом. Кто-то, желая заступиться, полез на того недоумка с кулаками, крича, что обидчик сам жид, а Эдвин никакой не жид...

– Ша! – разнял их Эдвин. – Последний дурак тот, кто обижается, когда его причисляют, пусть даже ошибочно, к этому великому и мудрому народу. Кто вы? Суслики из тундры!

Катюшкин Сад

Что вы знаете и помните о предках своих? Спросите родителей, и они глубже прабабки не копнут, потому как все, что было с нами до советской власти, из нашей генной памяти выжгли, вытравили каленым железом. А евреи, веками гонимые, сквозь огонь и пепел помнят кто они и откуда!

Но вся эрудиция Эдвина, с великолепным французским, оказались не впрок.

Время было трудное, разгар перестройки, талоны, цены... А он без прописки. Когда Союз развалился и Украина стала независимой - Эдвин подался домой с большой надеждой, которую особенно подогрело то, что Украина первой отказалась от статьи за мужеложство. О! Как он этим гордился!

А через месяц после его отъезда, друзья-земляки вызвали нас на похороны. И Эдвин оказался не Эдвин - сын турецко-подданного, как любили мы шутить, а Валькой Горловым из Донецка, сыном шахтера и нормировщицы. Из Харьковского университета его выгнали за аморалку, в Питере он не прижился по причине отсутствия регистрации, а дома родители не пустили сына на порог. Валька забрался на крышу многоэтажки и улетел с запиской в кармане: «Жил по-идиотски и умру по-дурацки».

Когда Вальку хоронили, мы стояли в стороне. Похоронами заправляла его православная мамаша со своими товарками. Отца там не было. Мамаша сетовала, что всю жизнь на Вальку положила, толку не дождалась, вот теперь еще

Ольга Краузе

и страшный грех его замалчивать придется. Одна тетя было встряла: «Ну, ты же видела, какой он у тебя? Отдала б его в балетный кружок!» – но ее быстро заткнули. Когда Вальку зарыли и отвезали, его друзья подошли к могиле.

Поминали Вальку в какой-то парикмахерской. Там висели картинки-фантазии за подписью Эдвин Лоранс. Вот и у меня дома картинка с такой подписью осталась. Поминали, вспоминали все его таланты, его шутки и розыгрыши. Друзья называли его гениальным фантазером, а родители несправимым лгуном и лицемером. Украина была уже независима, но к нему по-прежнему нетерпима, как и при совке.

СОНЬКА ЗОЛОТАЯ РУЧКА

Такая у Женьки кличка. Нет, он не вор и не аферист - он приспособленец, как мы все. Иначе не выжить. Надо приспособливаться, потакая желаниям родственников и общественности, выдавать себя за добродетельных геторосексуальных особей. Вот и Женька сначала потакал. Окончил школу в Москве с золотой медалью, поступил в Ленинградское военно-морское училище имени Дзержинского, окончил и его с отличием и вручением офицерского кортика с лейтенантскими погонами. Дальше надо было отслужить какое-то время на флагманском крейсере Балтийского флота с дальнейшим направлением в отряд космонавтов. Так мечтал его папаша, который не просто летчик, а тот самый летчик, который всех космонавтов знал, поскольку именно он доставлял их из Москвы на Байконур.

Недолго Женька «танцевал по нотам» - во время захода в один болгарский порт, его застукали при облаве подпольного борделя с парочкой итальянских матросов. Как удалось замять такой международный скандал, не ведомо, но Женьку с корабля списали, из флота выгнали, он женился на сотруднице бухгалтерии Ленконцерта, стал концертным администратором и осел в Питере, подальше от папаша. Жена Евгения звалась Натали. Пушкинской романтикой эти брачные отношения и не пахли. Натали в наших кругах классифицировалась, как «летающая тарелка». Так называ-

Ольга Краузе

ли девиц, которые для отвода глаз, сопровождали голубых на свидания в Катюкин Сад. Как правило, эти девицы были совершенно не гомосексуальны, голубые их привлекали своей необычностью, с ними девушки скрашивали серую жизнь совковой действительности. Натали так и говорила: «Я не в Теме, но

Катюшкин Сад

я в курсе». Скольких парней спасли такие Натали от суда и следствия? Ну, и пройтись по Невскому под ручку с красивым, изысканно одетым мужчиной, на глазах у изумленных сослуживцев, поднимая тем самым свой рейтинг до небес... Кто ж знает, что он голубой? А вытаскивать друга из ментовского участка после дежурной облавы? Кто там орет на весь переулок Крылова?

- Кто пидор? Это мой-то муж (любовник) пидор? Да, твоей жене такой пидор и не снился, а то бы она тебя враз послала!

После получасовой осады участка, менты сдавались и задержанных парней отпускали.

Сонька Золотая Ручка – кличка присвоенная Женьке его супругой за то, что тот любил золотые украшения и даже на большом пальце левой ноги носил именную печать, заказанную у армянина в мастерской на углу Невского и Мойки.

Жили Натали и Евгений почти на Старо-Невском, вернее, на углу Тележной и профессора Ивашенцова. Там у них были две комнаты на первом этаже, в беспробудно-пьяной коммуналке с мышами и тараканами. Поскольку трезвостью в квартире никто не страдал, с соседями жили дружно, но недолго. Кто первым угостил Натали таблетками, кто посадил ее на иглу? Сначала с работы вылетела она. Женька еще какое-то время держался за счет крутого покровителя, но потом у него обнаружили СПИД. Когда Евгений слег в больницу Боткина,

Ольга Краузе

Натали оказалась на улице. Клиника Боткина рядом, на Миргородской улице, кто-то у кого-то там лежал, кто-то у кого-то там работал, Женькин диагноз всплыл и был обнародован, дружба соседей закончилась. Все срочно стали морально устойчивыми и заклеили позором своих обожаемых прежде соседей. Если Женька умирал в больнице под наблюдением персонала, который еще толерантно не созрел и входил к нему в палату чуть ли ни в скафандре, то Натали загибалась на улице, окончательно опустившаяся, голая, босая попрошайка, в которой разглядеть шикарную даму из Ленконцертвской администрации уже было невозможно. А за Женьку еще долго боролись, до самой его смерти. Несколько раз звонила одна известная певица и кричала ему в трубку: «Женька, змей! Ты теперь меня пережить обязан! Я тебе таАакую пенсию пробила! Давай, выкарабкайся!» Но он не выкарабкался.

Каткин Саг

Женька стал первым предвестником новой беды. Нас причислили, наравне с проститутками и наркоманами, к группе риска, мы получили новое прозвище «Спидоносцы» и травля усугубилась.

ГРИШКА ЖИГОЛО

– А вот и Дед Мороз к вам пожаловал! – Раздавался громогласной Гришкин голос по аллеям. И все знали, что Гришка-жиголо появился после очередного удачного промысла и сейчас начнет раздавать подарки, а потом пошлет кого-нибудь на пьяный угол и гулянка затянется до утра.

Числился Гришка наладчиком швейного оборудования на фабрике «Большевичка», а в жизни он обслуживал швейное оборудование подпольных цеховиков, инвалидов-сапожников и портних-надомниц, а по вечерам выгуливал заезжих иностранных старушек, ночуя у них в гостиничных номерах, развлекал и подбадривая тех за завтраком, обедом и ужином. Это благородное занятие вознаграждалось разными мелкими безделушками и советскими рублями на прощанье, поскольку увозить домой неконвертируемые бумажки не имело смысла. Мелкие безделушки шли на реализацию у своих портних и сапожников.

Но, порой на Гришу, как он сам выражался, «нападал стих» и он устраивал праздники с подарками в Каткином Саду.

Со всей гостиничной службой от швейцаров до горничных, включая и барышню на рецепшене,

Ольга Краузе

Григорий был на короткой ноге. Он так прищелкался, что сумел сварганить себе дубликаты ключей от нескольких номеров и окончательно поселился в гостинице «Прибалтийская», ночуя в незанятых номерах. Гриша свободно заходил за стойку администратора и просматривал журнал посетителей. Так он узнавал про группы, отправившиеся на экскурсию в ближайший пригород с ночевкой в тамошней гостинице. Никому и в голову не приходило, что эlegant-

ный, высокий блондин, с фирменной папкой с логотипом хельсинского торгового представительства, не иностранец, командированный сюда одной деревообрабатывающей компанией, а обыкновенный Гришка-жиголо. Причем, торговый

Катюшкин Сад

представитель существовал на самом деле и даже номер в гостинице за ним числился, но фактически, он тайно проживал на квартире одной из горничных, питая к этой горничной страстное влечение. Как Гриша прознал об этой ситуации, и каким манером сумел воспользоваться? Однако он прекрасно понимал, что постоянно проживать в представительском номере нельзя, хотя бы потому, что туда периодически наведывается та самая горничная. Короче, как там Гриша крутился-вертелся - мы не узнаем никогда.

Что он промышляет в «Прибалтийской» известно всем от фарцовщиков, которые в наших кругах почему-то преобладали. Впрочем, и это понятно. Голубые любят ярко одеваться и готовы идти на любой риск ради мимолетного карнавала. А где ты в сером Совке раздобудешь себе красивую шмотку? Даже если сам способен сварганить, то из какой ткани? Разве прядильно-ткацкая фабрика с названием «Рабочий» или имени Ногина может соответствовать изысканному спросу?

Мы крутились, удовлетворяя, как физические, так и духовные потребности друг друга. Везде были связи. Мы никогда не стояли в очередях ни за чем. Жили как цыгане, государство в государстве, круговая порука, голубая мафия. Кто сидел в первых рядах премьерных спектаклей и гастрольных концертов мировых звезд, разбавляя мелкие вкрапления супружеских пар работников партии и

Ольга Краузе

правительства с торговыми чиновниками? Про кого потом эти звезды с восторгом отзывались: «Ах, какая тонкая и изысканная эта советская публика!» Вы же видели туполобые хари из обкомов и горкомов, какая из них изысканная публика?

Сказать точно, с кем у Гриши роман или хотя бы флирт, никто не мог. Гриша дружил со всеми. Бегал за ним один малый из кордебалета, но бегал так очевидно с меркантильным интересом, что Гриша просто держал его при себе на побегушках за мелкие подачки, чаще для публичного стеба.

Иногда в Катюкин Садик захаживал Александр Васильевич Ершов. На самом деле особа настолько непримечательная, что засветив его имя, я ничем не рискую, а он тем более. Однако выглядел товарищ Ершов весьма респектабельно, чем, вероятнее всего, нашего Гришку-то и соблазнил. Гришка клянул настолько, что всю жизнь рассказал. И про большую маму, которую удалось спасти, только раздобыв лекарство через «своих», и в больницу устроить, и хороший уход после операции обеспечить. И про то, как он крутится, добывая всякую всячину, чтобы медсестра его маму вовремя навещала. И про старшую сеструху, которая сама-то еще ничего, а вот как вышла замуж и поселила своего благоверного у них, так дома житья не стало, потому, как он теперь в родном доме пидор гнойный, от которого одна зараза. И как приходилось по разным углам скитаться, пока в гостинице

Каткини Саг

жить не приспособился.

Дурак был Гриша, ой дурак! А кто из нас голову не терял в момент страсти любовной, тот и не любил вовсе.

Недолго у Гриши с Ершовым все гладко было. Взбрендило этому индюку зазвать Гришку к себе домой и познакомиться с благоверной супругой. А у Григория глаз наметан. Глянул он в каких опорках ершовская жена с дочкой шкандыбает, какие их пальто на вешалке болтаются. А супруга ершовская его сочувственный взгляд поймала и печально улыбнулась:

- Так уж мы живем, Гришенька: я моту пол, а Саша моет себя.

В один момент Гришкино сознание прояснилось, и любовь улетучилась. Протикся Григорий к несчастной судьбе затюканной тетки и решил поговорить с Ершовым начистоту, что, дескать, не способен он более с ним никакого интима иметь, потому как это нечестно и непорядочно по отношению к хорошей женщине и вообще к его семье. Место для прощального разговора выбрал, заказав столик в кафе «Север», расположенном против Гостиного Двора и от Каткиного сада неподалеку.

Пришли, посидели, выпили. Гришка все, что хотел, высказал, деньги за заказ под графинчик положил и вышел. Александр Васильевич глазами похлопал, снял очки, протер их салфеткой, надел, налил себе еще рюмочку, проглотил,

да кааак подскочит и бежать. А официант-то денег под графинчиком не заметил, решил, что кинуть его хотят, кричит «держи!». Швейцар Ершову дорогу перегородил, да по морде, по очкам. Подоспела милиция. А Ершов-то вконец

Катюшкин Сад

взбесился, на ментов кидается. Его скрутили и в участок, протокол составлять.

- Ах, расплатился, деньги говорите под графическим оставил? А чего тогда так сизанул? Эй, гражданин, а ты случайно не голубой?

- Это как?

- А вот так – пидорас, явно пидорас! То-то ты такой холерный.

- Ой, а чего это?

- Ни чего, а кто кого! Кто кого из вас пилит так, что аж невтерпех, аж подскочил и побежал!

- Да, что Вы! Я интеллигентный человек! Работаю художником на предприятии! Я женат! Да, я член партии!

- Ну-ну.

- Эта гадость, про которую Вы мне сейчас говорите, отвратительна и мне чужда! Чужда!

- Ну-ну.

- Так я же Вам хотел помочь, крупного вора поймать, разоблачить! Потому и бежал за ним.

- Какого такого вора?

Этой же ночью Гришка был арестован прямо в номере гостиницы «Прибалтийская» именно тогда, когда он там душ принимал. Даже одеться не дали. Голого в «газик» затолкали.

Повесили на бедолагу все пропакжи, которые в гостинице за это время произошли и отправили зону топтать. Пока Гришка сидел, мама его померла, сестричка братишку из квартиры бла-

Ольга Краузе

гополучно выписала.

Вернулся Гриша уже в разгар перестройки, до Катькиного Сада так и не дошел – был обнаружен на другом берегу Невы, в туалете пивного ресторана «Швабский Домик» с простреленной головой. Кто его так и за что?

А Ершов живет, где жил. И благоверная супруга при нем еще не одного его любовничка перетерпела. И на все советы бросить солитера у нее была куча опра-

вданий, типа, «вот дочь подрастет или он теперь в партию вступил, нельзя ему разводом биографию портить, тем более, что на хорошую должность назначили». Как ходила в опорках, так и состарилась в них, и никакие должности

Катюшкин Сад

мужа ей жизнь не облегчили. Уж призналась бы честно, что любит этого говнюка. Понятней было бы такое терпение, чем паскудно и дешево оправдываться.

БЕНЯ КРЫСОЛОВ

Фокусник-иллюзионист из Ленконцерта радовал своим появлением не так уж часто, и нельзя сказать, что это было праздником для всех. Многие боялись Бенью, ведь он еще и телепат. Если ты в ком-то не уверен, покажи человека Бене, он только подойдет к нему, поздоровается за руку и все про него расскажет. Не хочешь верить Бене? Расхлебывай сам – тебя предупредали. Потому-то его и прозвали Крысоловом, что он многих спас от ограбления и гибели. Бенья «крыс» чуял и не стеснялся их открыто изобличать. Думаете, он рисковал, типа, за такое и порезать в темном углу могут? А его пробовали порезать, только в самый последний момент их кондрашка пробивала. Сомневаетесь? Вот и мы сначала сомневались, а потом убедились – Бенья неуязвим.

Буд-то голубые дружат с лесбиянками – выдумки. На самом деле между нами нет ничего общего – мы любим мужчин, они их не любят, над нами висит уголовная статья, а им разве что общественное порицание. Поэтому, когда в компанию пытается затесаться лесбиянка, это настораживает: что ей надо? Ну, и нам от них никакого проку. С такой под ручку не пройтись, ее же все с парнем путают, и какой резон?

Ольга Краузе

А уж Бенья лесбиянок на дух не переносил, считал их эгоистками и приспособленками. Но с Райкой, все ж таки, подружился.

Свою алма-атинскую землячку Райку, притащил Нифертетка, а Нифертетке доверяли все. Вот он нас и прослезил:

- Райка дура, бичиха, бьется, бьется, а все без толку. Жаль ее, по-человечески жаль!

Райка стала болтаться меж нами – прикормили. Сначала через Лешку ее дворничать пристро-

или – вылетела с треском за прогулы. Потом наладили через Трудпром окна мыть, ее и оттуда турнули.

Чем она Бенью задела, что замутил он с ней фиктивный брак с пропиской? Или под него

Катюшкин Сад

в Ленконцерте копать стали? А может просто, после ареста и громкого суда над одним известным режиссером решил подстраховаться?

Сказать, что Райке Ленинградская прописка на пользу пошла? Таки нет. Она и на тех работах, что для местных, нигде удержаться не смогла. Да и черт с ней! Помогли и ладно, а что не в прок, тут уж не Бенина вина. Толком она у него не жила, где болталась – неизвестно.

Но вот как-то к Лешке на вечернюю посиделку-квартирник забрела Галюка, саксофонистка из областной филармонии, и рассказала забавную историю. Оказывается, эта Райка бывала в Питере и раньше. Даже фиктивный брак одна лесбиянка ей с бывшим мужем организовала. Тот ее уборщицей в театр устроил, где она сачковать стала, потом вообще у него поселилась и заявила, что беременна. Тот не поверил, поскольку с армии стерилен был и справка об этом имелаась. Он ей справку-то предъявил и что? – Райка на развод подала через суд, буд-то он типа скрыл от нее, что детей у них быть не может, и раздел квартиры затребовала. Тогда все его друзья и бывшая жена мухер подняли и Райка с треском вылетела из Питера в родной Казахстан. Теперь, значит, вернулась и опять за свое.

Лешка такую информацию при себе держать не стал. Бенья был на гастролях и поэтому он дозвонился до Гишпанца. Гишпанец срочно созвал народ и, конечно, все претензии к Нифертетке.

Ольга Краузе

- Вася, ты ж нам ее рекомендовал!

- Да я ее в Алма-Ате всего три раза видел, а про то, что она в Ленинграде раньше жила и не знал.

То, что эта прохиндейка Нифертетку заморочила не удивительно, если сам Бенья на ее удочку клюнул. Оставалось ждать Беню.

Бенья вернулся и сразу угодил в больницу. Сказалась гастрольная жизнь артиста – рак поджелудочной железы. А нас в больницу не пускают, требуют родственников.

Кинулись Райку искать, решили, что хоть она и аферистка, но пока Бенья болен, пусть ведет нас в больницу, представляет медперсоналу, а там разберемся по ходу дела.

- Райка, это не шуточки, все очень серьезно, Беню на операцию кладут, за ним уход нужен.

- Ага, ага, – сказала Райка и снова исчезла.

Гиппанец из Бени с трудом телефон его сестры выпытал. Приехала сестра из Кисловодска и почти два года не отходила от Бени до самого конца.

После Бениной смерти, Раиса, как ни в чем ни бывало опять нарисовалась. Только и мы не льком шиты. Пока Бенья болел, наш адвокат быстро организовал ему развод с Райкой через суд. Бене была присвоена инвалидность и сестру к Бене прописали, как родственницу. Конечно, Райку теперь не так-то просто было выписать и она имела право претендовать на размен Бениной квартиры, но кто ж против нас попрет? Припугнули, она и

Катькин Сад

увистела обратно в Алма-Ату.

Тогда-то мы и поняли, что если б дружили с лесбиянками, про эту прохиндейку знали и на ее крточок не попались.

ЛАБОРАТОРИЯ

Когда во время Олимпиады 80, какой-то то ли француз, то ли американец, пристегнул себя наручниками к решетке Летнего Сада и скандировал «Долой дискриминацию гомосексуалов!» - наши только хихикали. Во, додумался!

Все считают нас порочными и ущербными уголовными элементами, мы и сами в это верим. С момента осознания своей сущности, понимаешь, что нужно лицедействовать, выдавать себя ни за того, кто ты есть. Способные хорошо притворяться, добивались в жизни многого, а эти, манерные, нами же обзывались пидовками и презирались.

Связь с иностранцами? - Опасно, могут привлечь. Но иметь заграничного любовника мечта многих. А если еще и приглашение сделает и удастся сбежать далеко-далеко... Для нас любой иностранец, пусть кривой, старый, лысый, был желаем. Вот почему, когда Шурик Заремба привел в Катькин Садик финнов, мы окружили их заботой и вниманием.

А Заремба запел, что это делегация от международной амнистии и надо создавать свою ассоциацию по защите прав сексменьшинств. Нашлись, конечно, молодые придурки, которые пове-

Ольга Краузе

Лисы на эту бодягу, кричат «ура!», уже было всто делегацию к Нифертетке повели, да вот Нифертетка сказал «ша!»

- Ты, Шура, часом не с дуба на кактус упал?
У меня люди из генштаба и адмиралтейства
бывают, считай квартира стратегический
объект, а ты иностранцев, да еще из капита-

Катюшкин Сад

листоческой державы ведешь! Не пуццу!

И Гишпанец, туда же:

- Головой думай! Где наши жопы, а где политика! Какая может быть ассоциация? Про людей, которые живут вне закона и объединяются по принципу незаконной жизни, ассоциация одна – банда! Тебя, Заремба, посадят и сидеть ты будешь не за политику и не с политическими, а у параша с урками. И сдаст тебя, обязательно сдаст, один из вот этих молодых придурков, потому как в подполье ни кто из них играть не способен. Если бы твои финны предложили мне наладить тур среди наших по приглашениям, то я согласен, и они бы в накладе не остались. Одно дело по путевке в Самарканд поехать и совсем другое, с нашими людьми в чайхане сидеть. Но от политики уволь.

- Да, как вы все не понимаете? Это ж ХЕЛЬСИНСКАЯ ГРУППА! Мы можем такой прорыв по линии защиты своих прав сейчас совершить! Ведь сами на прошлой неделе Лёлика хоронили! Нас же убивают, грабят!

- Ага, прорыв-разрыв ануса в сто восемьдесят градусов от Питера до Колымы! Лёлик был священником и убили его при «ремонте». Сам виноват, не тащи в свой дом кого ни попадя! Дело это замнут, дабы церковь не позорить. И ты про Лёлика помалкивай, тем более перед иностранцами. Вы сейчас этой Хельсинской Группе интервью дадите, они ваши интервью на весь мир засветят,

Ольга Краузе

им за это полная уважуха и большие гонорары. Только вот они приехали и уехали, заработав на вас жирную галочку в своем послужном списке, а вы отправитесь в КПЗ кровавыми соплями умываться. Пока существует статья в уголовном кодексе, в такие игры только придурки-мазохисты играют. Мало ли у кого какие права за бугром? За бугром люди валюту спокойно продают и покупают, а у нас за это восемь лет с конфискацией.

Так и ушли эти финны с Зарембой и кучкой молодняка из нашего садика. Говорят, в Купчино у кого-то на квартире учредительное собрание провели, интервью про наше житье-бытье записали, создали организацию под названием «ГОЛУБАЯ ЛАБОРАТОРИЯ».

А Гимпанец, как в воду глядел, Шурку в скорости посадили. Жалко его, дурака, но кто ж так подставляется, какая, на хрен, лаборатория? И даже никакого показательного процесса, и в газетах про это ни гу-гу. Там, наверху, может быть, шухер и был, но до гласности еще оставалось четыре года, да и через четыре года на нашего брата их гласность не распространялась.

КВАРТИРНИКИ

Мы замороченные на сексе не больше остальных. Просто по нашим заморочкам, как ни крути, а торыма плачет. Живем с оглядкой на статью уголовного кодекса. Чтобы кто-то кого-то соблазнил, нужны условия. Подмигнуть друг другу в темной аллее и, столкнувшись, сбегать в общественный туалет и разбежаться, не всякому дано. Такие попрыгунчики долго не живут. Они потом в Неве, Фонтанке или каком-нибудь канале всплывают раздетые до гола и мертвые. Домой тащить малознакомого опасно. Кто из нас под «ремонт» не попадал? Когда ты за свое гостеприимство валяешься с пробитой головой, а из квартиры выносят все, что не приколочено. Значит нужны места, где можно в спокойной обстановке пообщаться среди своих и приглядеться друг к другу внимательнее.

И места были: голубые притоны ближе к вокзалам, закрытые культурные мероприятия для своих – квартирники.

Крутились в нашей компании парни, которые в Каткин Сад зачастили, еще совсем зелеными школярами с Вагановки, благо улица Зодчева-Росси рядом. Дружок одного из них заканчивал тогда хорошее училище при Капелле. Когда же голубки совсем оперились и возмужали, то сняли целый флигель во дворе, на Ковенском переулке. За какие шиши такая роскошь – мы не знали, и не всякий туда был зван. По субботам в этом флигеле со-

Ольга Краузе

биралась весьма изысканная публика. Из завсегда таев Катюкиного Сада приглашались только избранные. Пили исключительно шампанское и устраивали концерты.

Назвать это самодеятельностью нельзя – ребята все профессионалы, вот только амплуа для советского искусства необычное. Мы привыкли, что слово трагедии ассоциируется с тетками, изображающими пионеров-героев в ТЮЗе или, на крайняк, мужик в роли Бабы-Яги. А тут наши парни наряжались в известных эстрадных певцов и кривлялись под их песенки. Особенной популярностью пользовались подражания Эдите Станиславовне Пыхе и Клавдии Ивановне Шульженко. Их манера исполнения была так досконально изучена, что если бы не съехавший в азарте парик, можно было принять за подлинник. Потом появились и пародии на Пугачеву.

Квартирники не халавные – пятнадцать рублей за вечер дорогое по тем временам удовольствие, но оно того стоило, тем более, что шампанское лилось рекою и была возможность выпить с артистом. Поначалу, ни кто даже и не думал приглашать туда Нифертетку, пока рыжий паренек из Московского ТЮЗа по прозвищу Лисичка, не сообщил, что в следующую субботу обязательно привезет с собой уникального певца-казаха. Тут об Нифертетке вспомнили моментально.

Казах приехал. Худенький, стройный, красивый до невозможности! Вышел из-за штор

Катюшкин Сад

ки, завернутый в яркую шелковую шаль, да как запоет арию мадам Баттерфляй из оперы Джакомо Пуччини, так у нашей Нифертетки слезы фонтаном и сопли до колен.

- Моя мама так пела! Песня другая, а голос тот же, как у мамы моей!

Другой квартирник, попроще, собирался у дворника Лешки, на Гатчинской улице Петроградской стороны. Там пили не шампанское, а водку или портвейн, закусывая пирогами с чебуреками от Сергей Сергееча. И никаких трагедии и прочих рязеных, а просто песенки под гитару. Входная плата – бутылка за двоих и все. Но у Лешки еще можно было приобрести или взять напрокат самодельные книжки. Где Лешка добывал первоисточники, которые перепечатывал на машинке под копирку, сшивал и переплетал? Но именно у него мы брали почитать Набокова, Гумилева, Парнок, Мандельштама, Мариенгофа, Кузмина...

И, наконец, кинопросмотры у Нифертетки с обсуждением похож ли вот этот актер на голубого? Ну, а этот-то уж точно наш! Кто-то стал приносить не дублированные фильмы от фарцовщиков. Нифертетка самолично предварительно прокручивал на скорости кассету, дабы не пропал вечер и народ не смотрел всяческую мурку. У Эдвина с Нифертеткой, при обсуждении предстоящей программы вечера, порой чуть ни до драки доходило. Однако с Эдвином приходилось считаться, ведь

Ольга Краузе

он переводил эти фильмы вживую.

Вот такие культурные мероприятия проходили в наших кругах. То же самое Лисичка и его друзья проводили в Москве, и мы туда ездили.

Это все, конечно не «Лаборатория», но от той «Лаборатории» нас еще долго лихорадило, а кое-кому так и не удалось отвертеться, хотя про Шурика Зарембу они и знать не знали.

БЕДНЫЙ ЙОРИК

После выхода Юрика из школы-интерната, ему подфартило получить ордер на огромную комнату в коммуналке, на углу Маяковской и Некрасова, в том же доме, где некогда жил Леонид Осипович Утесов и даже в том подъезде и на том этаже. Но мастер давно уже проживал в Москве, где потом и скончался. Однако, похоже, что часть души этого прекрасного человека все еще обитала в их доме, иначе как можно было бы объяснить одесский юмор неунывающих Юркиных соседей. Ведь это они прозвали Юрку Бедным Йориком за худобу и артистизм. Шефство над парнем сразу же взяла Бронислава Богдановна, главнокомандующий всей коммуналкой, бывшая фронтовичка, шоферившая на Дороге Жизни по Ладоге. Она и теперь, будучи на пенсии, работала водителем детской скорой помощи. А ее супруг, Семен Антонович, служил в оркестре Ленинградского цирка трубачом. Такие люди слишком деятельны, чтобы сидеть дома, на пенсии. Детей у них не было, и потому Юриком супружеская чета занялась вплотную.

- Сёма, надо мальчика пристроить в приличное место.

- Хорошо, я поговорю в цирке.

- Нехорошо! Человеку надо дать профессию, чтобы она его кормила.

- Хорошо, я поговорю в отделе культуры.

- А вот это хорошо.

Так они, еще зеленого юнца, пристроили на хле-

Ольга Краузе

бное место в билетный стол Оперной Студии Консерватории. Пристроили, правда, с надеждой, что Юркины вокальные данные оценит не только их коммунальная кухня, и они потом когда-нибудь станут гордиться соседством с великим артистом. Но сиротский Юркин практицизм предпочел не испытывать судьбу и поступить на вечернее отделение Ленинградского Государственного Института Театра, Музыки и Кинематографии (ЛГИТМиК), на факультет экономики и организации театрального дела. Под бдительным присмотром Брониславы Богдановны, Юрик быстро оперился и зажил взрослой жизнью. Учился, работал, познавал жизнь. В Катькин Садик его привели друзья-сокурсники, а потом он и сам туда зачастил. Но в дом к себе Юрик любовников не водил, сам ходил куда пригласят. А приглашали, благодаря его нынешнему положению в управлении культуры, в дома приличные и вполне благонадежные.

Катькин Сад это наша живая газета: кто с кем сошелся, кто разошелся, кого ограбили, кто от кого какую хворь подцепил, кого убили, а кого так покалечили, что лучше бы уж убили. Зайдемь, бывало, в темные аллеи, побродить среди своих, покурить с ними, хлебнешь из горла по кругу и в космосе уже не одиноко, и у тебя все хорошо, потому как другим-то вот как не свежло.

ОДУВАНЧИК

Худенький, стройный мальчик в кремовом плаще, белых брточках и с белым длинным шарфиком, развивающемся на ветру. Черный одуванчик волос, обрамляет бледное, ангельское лицо. В Катюкин Сад он забегал как бы случайно. Мы его прозвали Черный Одуванчик или просто Одуванчик. По своему характеру Сашенька походил на подростка маленького принца. Такой же чистый и наивный.

В Ленинград Сашенька приехал из Волгограда и поступил на немецкое отделение филологического факультета педагогического института. Сокурсницы, как и вся женская половина преподавательского состава, его обожали. Он их пристрастил к вязанию на спицах и старым фильмам с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо. Видеомагнитофоны по тем временам были малодоступны, но действовал так называемый «Клуб Любителей Кино», в рамках которого кинозал Дворца Культуры имени Кирова (Большой проспект Васильевского Острова) демонстрировал старые зарубежные, не дублированные фильмы. Зал был оборудован наушниками и переводчик вживую, без редакции и цензуры, переводил, что по тем временам было очень ценно для нас, а для знатоков того языка, на котором демонстрировался фильм, тем более. Но, чтобы искусство от буржуазии не обратило строителей коммунизма, и не спутало их ориентиры, перед началом сеанса обязательно выступал лектор из общества «Знание»,

Ольга Краузе

который объяснял предстоящий к просмотру сюжет, с точки зрения марксистско-ленинской этики и морали. Старые зарубежные фильмы без предварительной морали крутили в кинотеатре «Спартак», но дублированные и с куптурами от цензуры.

Сашенька был наивный романтик. В белые ночи садился в автобус-экспресс до Пулково и всю ночь сам с собой пил кофе в аэропорту, провожая самолеты и

представляя себя пассажиром, ожидающим свой рейс. Саша любил кофе, настоящий, хорошо сваренный кофе. Утром его можно было застать в «Сайгоне», в обед в буфете консерватории, а вечером снова в «Сайгоне». Ну и ночные бдения в белые ночи в аэропорту.

Всю стипендию и те жалкие гроши, кото-

Катюкин Сад

рые присылала ему матушка, Одуванчик тратил на кофе и походы с подружками-однокурсницами в кино, театры, филармонию и капеллу. Одуванчик мечтал встретить любовь, но чтобы не в Катюкином Саду. В Катюкин Сад он забегал иногда от отчаяния. Однако именно при таком отчаянном забеге его окликнули в темной аллее.

- Юноша, да-да, вот Вы. Мы, кажется, уже встречались нынче в консерватории.

- Ой, а Вы там учитесь?

- Я свое отучился, а там я кофе пью.

Это был известный в наших кругах театрал Бедный Йорик или просто Юрик. Заведуя билетным столом Оперной Студии Ленинградской Консерватории, Юрик, через свои связи, мог достать билеты на любое культурное мероприятие города, чем и жил. И жил Бедный Йорик весьма безбедно. В Катюкин Сад он забегал исключительно в поисках мимолетных приключений. И так уж звезды легли, что в его лице Одуванчик, наконец-таки, встретил свою любовь и судьбу.

- Ну, приглашай в гости.

- Да, но я в общежитии живу, а там пропускная система по паспорту и до одиннадцати вечера.

- Приплыли! Тогда пошли ко мне.

Юрик впервые изменял своим принципам, но терять момент категорически не хотел. Он понимал, что Одуванчик не какой-нибудь потаскун, да и задел он его сильно. Такого с ним еще не бы-

вало. Сашенька ему очень-очень нравился.

Бдительная Бронислава была на суточном дежурстве, а Семен Антонович на гастролях. Другие же соседи Юрику не указ, тем более что все они стреляли у него папиросы, а то и деньги до получки.

РОМАНТИЧЕСКИЙ УЖИН

Впервые у Юрика появился друг, которого он действительно любил. Хотелось заботиться о нем, делать подарки. А у Сашеньки вообще все было впервые. Оба были счастливы и от счастья слепы и глухи ко всему остальному миру.

Бдительная Бронислава поначалу делала круглые глаза и долго шушукалась с мужем, а потом махнула рукой и стала опекает обоих, и брать у Сашеньки уроки вязания. Одуванчик окончательно поселился у Юрика и, если бы ни строгая Бронислава Богдановна, то забил бы один на учебу, а другой на работу.

Каждую субботу, вечером парни устраивали друг другу романтический ужин при свечах. Ставили пластинку с концертом Шопена для фортепиано с оркестром в исполнении Анни Фишер, доставали мороженное из холодильника, открывали шампанское и...

Когда в разгар очередного такого ужина, в дверь комнаты постучали, Юрик завернулся в простыню и пошел открывать. Он решил, что это кто-то из соседей хочет стрельнуть на-

Катюшкин Сад

пиротску. Но, приоткрыв дверь, был сбит с ног. В комнату ворвались пятеро мужиков из оперативно-следственной бригады.

С НЕБЕС И В БЕЗДНУ

Так ребята оказались в КПЗ. А ты в том КПЗ не один и твой любимый друг не с тобой. На самом деле, это хорошо, потому, что видеть, как тебя каждую ночь насилуют двенадцать подонков, твоему любимому не обязательно. И тебе лучше не знать, как над ним издеваются. А днем вас по очереди таскают на допрос. Вот так, с небес и в бездну.

Первым сломался и «поплыл» Одуванчик. Дальше очная ставка.

- Юрик, прости, я думал, если им всю правду про нашу любовь рассказать, они поймут и отпустят.

А Юрик молчал, опустив голову, и это для Саши было страшнее всех ночей проведенных в камере. Лучше бы он ругался или отрекся от него. Бедные ребята! Кому они мешали? Да никому не мешали. Там, высоко, в горисполкоме, очень нужно было кому-то для своего зятя или свата обустроить тепленькое местечко. А местечко-то занято. Стали копать того, кто это кресло занимал. Вроде все чисто, но тут пару сплетен накопили. Вот и ниточка. За ниточку потянули и пошли разматывать. Так и на Юрика вышли. Да как удачно вышли-то! Как раз только-только скандал про «Голубую Лабораторию» затихать стал, а тут на тебе! Правда, когда к сидельцу того кресла стали уже вплотную подбираться, видать кого-то шибко важного заделали. Тут им приказали, все дальнейшее следст-

Катюшкин Суд

вие прикрыть. Ну, а эти, уж коль попались, пусть сидят. А как сидят в зоне такие ребята, я рассказывать не буду. Мне и после этих воспоминаний стакана водки мало.

Был суд. На суде Бронислава Богдановна рыдала в голос и ломала руки. Она все, что могла, сделала: ходила во все инстанции, гремя орденами и медалями, наняла хорошего адвоката – бесполезно. Суд провели образцово подметательной, чтобы никому ни повадно было. Сашенькины подружки однокурсницы готовы были наперебой объявить его своим любовником, но от них отмахнулись, как от назойливых мух. Приехала Сашенькина мама. Та вообще хлопала глазами и не могла понять, в чем же таком страшном обвиняют ее сыночка?

Они выжили.

Сашенька, вернувшись из заключения, срочно женился на одной из своих бывших однокурсниц, она помогла ему подготовиться и поступить на заочное отделение того же факультета в смоленский пединститут и устроила гидом-переводчиком в Петропавловскую крепость, а позже и в Юсуповский дворец. У них даже родился сын. Правда, долго жить вместе, не получилось. У жены вспыхнул роман с коллегой по работе, и они развелись. Но с сыном Одуванчик продолжал нянчиться, а когда уже бывшая супруга родила от следующего брака – Сашенька нянчился с двумя.

А как же? Они же братья!

И Юрчик, отмотав свой срок, вернулся. Вот только Бронислава его не дождалась. Слегла после суда и больше не встала.

Юрчик уже совсем не Бедный Йорик, он очень крутой бизнесмен, такой крутой, что во многие кабинеты дверь ногой открывает.

А с Одуванчиком они не встречаются. А зачем? Вспоминают? А о чем?

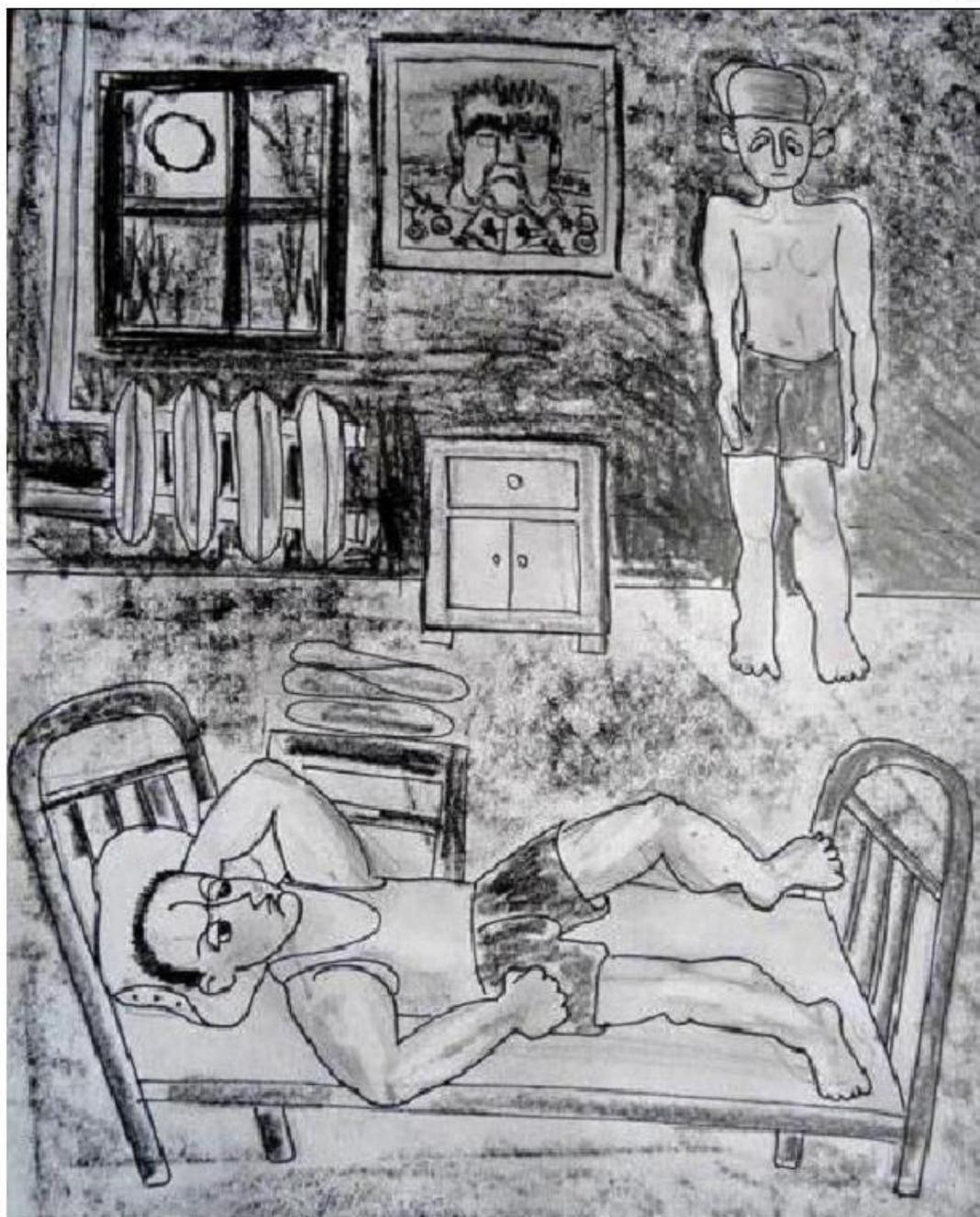
АНДРЮШКА

Сын геройски погибшего полярного летчика, свято веривший в эту заштампованную легенду до самой смерти своей мамушки, Андрюша очень переживал, что у него не получается во всем походить на отца и брать с него пример. Если в школе его всего лишь дразнили, за манерность и неуклюжесть на физкультуре, то в армии началась настоящая жестокая травля, окончившаяся тем, что Андрюшку с треском выгнали раньше срока за неуставные отношения, которые заключались в том, что ротный командир застукал, как пара дедов-амбалов насильовали Андрюшку между столами в учебке. И вернулся он в родную Коряжму, как прокаженный. Не то, чтобы на работу устроиться – из дома не выйти. Мама плачет, сестра плачет. Помякался Андрюшка пару недель, собрал вещички и уехал в большой город Ленинград, где никому до него нет дела и можно затеряться в городской толпе.

Работал Андрюша, по лимиту, санитаром в онкологическом диспансере на Березовой алее. Соседи по общежитию были в большинстве своем ребята интеллигентные. Именно один из них как-то сказал Андрюше:

- Тебе надо к своим прибиться и сразу станет легче жить. Свои обязательно помогут.
- Какие свои?
- Сам знаешь, какие. Прогуляйся по Каткиному Саду вечерком, пройдишь туда-сюда, на лаво-

чке там посиди, покури, оглядись.

Вот с тех пор Андрюша туда и зачастил. И ему вправду стало легче. Ведь нет ничего хуже одиночества в толпе. А тут СВОИ. И можно в гости, на ужин к Нифертетке зайти, кино в хорошей компании посмотреть. А Гиппанец,

Катюшкин Сад

прознав, где и кем Андрюшка работает, быстро ему подработку нашел в приличном доме сиделкой по уходу за престарелым отцом одного профессора (тоже из наших). Профессор был давно уже одиночкой по причине невозможности лишний раз покидать больного старика. А тут нарисовался Андрюшка ловкий, расторопный, аккуратный. Опять же юноша, хоть и из дремучей Коряжмы, но начитанный и любознательный. Профессору даже не пришлось в Катюшкин Сад на любовные поиски отправляться, у них с Андрюшкой все быстро сладилось. Так что оставаться в общежитии больше не было нужды. Но работу в диспансере бросать не стоило. Гиппанец сказал, что все в этом мире не надежно, и, вряд ли, профессор Андрюшку у себя пропущет. Отработав же по лимиту,

Ольга Краузе

Андрюша сначала получит постоянную прописку с правом поступления на любую другую работу в Ленинграде, и сможет встать на очередь на получение жилплощади. Если же отработает десять лет на Березовой, то уж от диспансера-то получит свою комнату обязательно.

Прозорливый Гиппанец, оказался, как всегда прав – профессор Андрюшку не прописал, а когда, в конце концов, умер папаша, его любовь к Андрею как-то быстро угасла, и он дал понять юному другу, что они вообще-то не пара.

К этому времени у Андрея была постоянная прописка. Возвращаться в общежитие он и не собирался, а подрядился помогать Лешке с Гатчинской улицы, за право проживать в его полуподвальных апартаментах, в крайней комнатенке, окнами во двор. Лешка начал работать дворником на Петроградской стороне, еще будучи студентом Горного института, а получив диплом и распределение в черти куда, забил на свежеприобретенную профессию геолога и остался в дворниках. Романтика геолога для него померкла, когда он узнал, как обошлись с человеком, открывшим для страны богатейшие залежи якутских алмазов. Стоит ли убиваться в далекой тундре добровольно, когда там и без него подневольных зеков полно?

Когда же настало время вставать Андрюше в очередь на получение своей жилплощади – ему отказали безо всяких объяснений. Объяснения

Катькин Сад

дал прежний сосед по общежитию, тот самый, который когда-то на Катькин Садик Андрюшку навел.

- Там, зав комиссии тебя лютто ненавидит.

- Какой зав комиссии? Я же ни с кем из них даже лично не знаком!

- Ни какой, а какая. Ребята слышали, как она разглагольствовала о том, что тебе комнату выделят только через ее труп.

На следующий день Андрюша положил перед зав отделением заявление следующего содержания:

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с тем, что зав отделом коммунального хозяйства, Валерия Степановна Жарова готова предоставить мне, заслуженную условленным сроком жилплощадь, только через свой труп, во избежание преждевременной кончины вышеупомянутого должностного лица, прошу уволить меня по собственному желанию.

Со сроком отработки 15 дней, согласен.

И подпись.

Зав отделением подписал именно потому, что сам негодовал на такое отношение к работнику его персонала, который за все эти годы службы проявил себя, как добросовестный, исполнительный и заботливый к пациентам санитар. Пока Андрюша бегал с обходным листком, подробности содержания его заявления, под копирку разошлись по всему диспансеру. Его хлопали по плечу, ему пожимали руки.

Ольга Краузе

Назревал скандал, люди требовали вызвать зав отделом коммунального хозяйства и разобрать этот конфликт на профсоюзном собрании.

Андрюша не пошел на собрание. Гишпанец его отсоветовал:

- Не ходи, пусть без тебя тебе кости перемывают. Профсоюзное собрание не работа, за прогул не считается. Ты молодец, хорошее заявление написал. Должны же мы хоть как-то протестовать и защищать себя. Но, после такого заявления тебе лучше не оставаться. Эту подлюку Жарову ни кто не накажет. Ей даже выговора не будет. Недовольных потом потихонечку выживут, а тебя, если останешься – просто съедят. Уходя-уйди, тем более так красиво.

А Лешка сказал:

- Тут бригадирша приходила, место в начале Большого проспекта на Петроградке освободилось. И дворницкая там хорошая, светлая. Даже телефон есть, правда спаренный. Я ей про тебя сказал – она согласилась, говорит, видела, как ты мне зимой помогал.

И Андрюшка из санитаров переквалифицировался в дворники.

После санитарной работы в диспансере, эта работа показалась раем. Главное, возможность спать ночью, никакого суточного дежурства. Жить в отдельной квартирке, тихо радоваться одиночеству, вить себе уютное гнездышко. И телефон! Это значит, что не нужно бегать, заказывать

Катюшкин Саг

переговоры с Коряжмой, отправлять туда телеграмму, чтобы тоже на переговоры пришли, а просто купить талончик и спокойно, дома позвонить сестре на работу. И они тебе прямо домой смогут позвонить, когда им будет удобно.

Ольга Краузе

Правда, зарплата на тридцать рублей меньше. Но ежедневный сбор бутылок, во время уборки участка, восполнял все недостатки. Андрюша и раньше собирать бутылки не брезговал – Нифертетка его научил.

- Нагнись и подними, не сломаешься. Курочка по зернышку клочет и сова бывает.

И Андрюшка всегда собирал их по дороге в гости к Нифертетке или Лешке. Тогда уже и ужин у друзей не халавный получался. А тут, на его участке таА-акой Клондайк! За неделю, как минимум, десять рублей только от сдачи стеклотары выходило. А летом и того круче. Самый большой в городе стадион Ленина рядом. Болельщики и перед матчем разогреваются, а уж после матча, так обязательно. Если их команда выиграла – надо отметить, а если же проиграла – пили с горя. Опять же ему, как дворнику, полагалось урны вычищать. Раньше Андрюша в урны заглядывал, только помогая Леше, или Нифертетке, на их участках, а теперь на правах дворника на своем. И с питанием все наладилось. Взялся подрабатывать в чебуречной, где повар оказался из «своих» и отдавал ему вчерашнюю просрочку. Дальше Андрюша и сам соображать стал, подружился с владельцами собак. Ведь обычно все дворники собачников гоняют, а Андрюшка наоборот. Ну, нагадила собачка во дворе, не донесла, Андрей не гордый и не брезгливый. Зря, что ли за откобольшими семь лет подтирал? Он и за собачкой уберет. Зато с

Катюшкин Сад

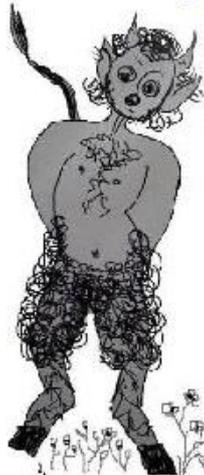
людьми общий язык нашел, договорился о дешевых поставках корма. Разве этого здоровенного дога возможно прокормить на зарплату? Или вон тех сибирскую лайку с овчаркой? А с Андрюшкиной помощью за три рубля полное ведро гарнира, отварной картошки, каши с макаронами. Жильцы Андрюшку полюбили – всегда приветливый, вежливый, расторопный, а главное трезвый. Трезвый, но деликатный и понимающий. Никогда пьяного жильца валяться не ос-

Ольга Краузе

тавит, всегда до дома дотащит и домочадцам с рук на руки сдаст. Короче, идеальный дворник Андрюша. Один из жильцов, который Кинорежиссер с Ленфильма, так и говорил: «Если бы за эту профессию звания давали, был бы наш Андрюшка заслуженным дворником РСФСР!».

Бригадирша им не нарадуется, участковой лично руку пожимает. Наладилась жизнь, пусть не такая, о какой когда-то мечталось, но зато не голодный и крыша над головой имеется. Много ли друзей могут похвастать отдельной квартирой в центре, на Петроградке? А то, что квартира ведомственная и ему никогда принадлежать не будет, и он там живет, пока работает дворником – зачем об этом думать сегодня? Сегодня он идет одалживать у Лешки старую, продавленную раскладушку, потому что завтра приезжают сестра с матерью, и целых две недели будут гостить у него. Он поселит их в комнате, с окнами на Малый проспект, а сам ночью и на раскладушке в кухне перебьется. И пусть мама знает, что он, хоть и не летчик, как отец, но живой и о своих родных женщинах позаботиться может!

ЗАДОХЛИК

У Лешки дворницкая большая, в пять комнатушек. Туда никого не поделяют, потому что прошло сокращение, участки в размерах у дворников удвоились, и зарплата поднялась аж на десять рублей. Но Лешка, добрая душа, и этим обязательно кто-нибудь, да пользовался. Например, поселились у него две сестрички-кришнаитки и прижились. Да не просто прижились – народ на свои молебны собирать там стали. И вот кто-то из этого народа притащил к Лешке котенка, угодившего на стройке в жидкое стекло. Лешка его побрил, отмыл, но на выживание несчастной твари не понадеялся и потому дал котенку имя Задохлик.

Но, Задохлик выжил, оброс густой шерстью и стал громадным, серым, в бурую полоску, котарой. Гулять ходил через форточку и возвращался так же. А однажды привел с собой кота. Нет, не кошку, а именно кота! В хозяина пошел Задохлик, по той же части ходок. Ну, Лешке без разницы – участок богатый, на помойку объедки с барских столов вываливаются без остановки, он и двух прокормит. Второго кота никак не называли, он был просто хахаль нашего Задохлика. Так и жили, пока этот хахаль не привел однажды с собой кошку. Задохлик очень рассердился, блядства в своем доме не потерпел и прогнал обоих. Потом долго был один, сам по себе, пока не притащил двух котят, у которых только-только глаза открылись. Пришлось Лешке им мо-

Ольга Краузе

лока покупать, натягивать резинки от пипеток на лекарственные пузырьки и вскармливать вручную. Задохлик тоже принимал участие по уходу за детьми – он их вылизывал.

- Ну что, Леша, Задохлик-то еще тот гусар, прибил детей?

- Нет, это его племянники или крестники. Задохлик масти не меняет.

Забавно, что оба котенка оказались котиками.

Обычно, коты, если находят свое потомство, оставляют только кошечек, а самцов пожират. Но, у этого, видимо жизненные понятия изменились.

Окрепших котят быстро разобрали. Одного взял Андрушка, а другого бригадирша.

НЕВЕСТА

Метель не переставала вторые сутки. Андрюшка почти не спал, почти не уходил с участка. Если перестать грести снег днем – его притопчут и дальше это будет лед, который придется долго сколачивать. Это ж центр города, здесь бугераки и колдобины недопустимы. Но вот уже наступила следующая ночь, проспект опустел и можно отдышаться, передохнуть, сходить домой, попить чаю с просрочкой из чебуречной.

Под лестницей, у двери в его квартиру темно, видно, опять лампочка перегорела. Достал из кармана ватника фонарик – осветил. Дверь подпирало сидячее тело в стареньком пальтишке с вылезшим кроликом на воротнике. Андрюшка провел по лицу старушки – теплое, значит бабка жива, от нее несло перегаром, а под ней лужица старческой мочи. Андрюшка втащил бабку в квартиру. Старушка была легкой и в сознание не приходила. По укоренившейся санитарской привычке он, раздел бабку, обтер ее мокрым полотенцем, постелил на кровать, под простынь клеенку и уложил спать. Сам же постирав и развесив на батарее ее одежонку, напился чаю и ушел обратно грести снег.

Вернувшись под утро, застал бабульку уже не спящую.

– Ну что, проснулись? Вы не беспокойтесь, одежка Ваша уж поди подсохла, я Вам ее сейчас дам, и Вы спокойно оденетесь.

Ольга Краузе

- Ты кто?

- Я здешний дворник, Вы нынче ночью ко мне забрели, помните?

- Зачем?

- Откуда ж я знаю? Я Вас не приглашал - Вы сами.

Слово за слово, разобрались. Ее звали Клавдия Ивановна. Старушка оказалась из дома на соседнем участке. После смерти мужа, ее коммунальные соседи занялись выживанием бабки, занимающей аж две большие комнаты, с надеждой на дальнейшее расширение. И вот, когда Клавдия Ивановна в очередной раз вышла в магазин за продуктами, они закрыли входную дверь изнутри на крюк и не впустили старушку. Сколько времени она так маялась по метели? Вспомнила фронттовую молодость, купила чекушку для согреву, зашла в теплый подъезд, выпила и отключилась. А теперь вот сидит, обстиранная, умытая, пьет чай с чебуреками у такого красивого молодого блондина. На коленки к ней примогнулся котенок и мурчит от обтодного удовольствия. Давно Клавдия Ивановна такого умиротворенного счастья не испытывала.

- Я, Клавдия Ивановна, этого безобразия так не оставлю. Сейчас участковому позвоню, чтобы он Вас домой, так сказать, официально сопроводил и сам теперь лично к Вам навеваться буду на чаек с чебуреками. Вам понравились чебуреки? Участковый бабушку по месту прописки соп-

Катюшкин Сад

роводил, соседей припугнул и к Андрюшке вернулся.

- Раз уж ты над бабкой шефство берешь, так женись на ней.

- Куда жениться, она ж старая!

- А тебе, что ли, молодая нужна? Парни вроде тебя, как раз только на старушках и женятся, к тому же ты честный, бабку подушкой не придушишь, а наоборот, заботу проявишь. Пропишешься к ней на правах мужа и унаследуешь хорошие две комнаты.

- Зачем же я брошу отдельную квартиру на сожительство, пусть даже с очень доброй и милой бабушкой в коммуналке среди гадюк и шакалов?

- А зачем тебе эту квартиру бросать? Это служебка и пока ты здесь подметаешь, она твоя. Ты сейчас где прописан?

- В общежитии откодиспансера.

- Правильно. Потому, что ты там постоянно заработал на лимитной должности. И будешь ты у них на балансе висеть до морковкина заговенья, и никуда не денешься. Но и своей жилплощади у тебя никогда не будет. А тут шанс.

- Неудобно как-то.

- А чего неудобного? Это жизнь! Я сам со старухой обговорю. Не бойся.

Участковый слово сдержал, все устроил, со всеми договорился. Расписались «молодые» в районном загсе. Даже Гимпанец, Лешка и Нифертетка пришли поздравить. Клавдии Ивановне краси-

Ольга Краузе

вую кофту подарили и сапоги, а Андрюшке настоящие американские джинсы. Нифертетка рыдал от умиления и целовал Клавдию Ивановну руки.

Клавдия Ивановна прожила еще двадцать пять лет, пережив Андрюшину маму на три года. Все это время Андрюша работал дворником. Сопровождая по воскресеньям Клавдию Ивановну в церковь, сам стал религиозен и уже решил для себя, что останется в миру, пока его благоверная жена здесь, а как только она отойдет в мир иной – пострижется в монастырь. Оно может быть так и случилось бы, но не судьба. А судьба ему была встретить Олега.

ОЛЕГ

Ему судьба была родиться, и вырасти в семье инвалидов. Мама осталась без ног, будучи совсем девочкой. Сколько таких девочек служило в саперных батальонах Ленинграда за паек, после прорванной блокады? Чудом выживший отец, носил под сердцем осколок снаряда и умер, когда Олегу исполнилось шесть лет. После школы у него не было выбора, где учиться дальше. Дальше надо было научиться ухаживать за мамой, и Олег поступил в медицинское училище. Пока Антонина Степановна была молодой, она бегала на протезах так, что мало кто мог догадаться, что не на своих ногах ее так лихо по земле носит. Но, основная проблема всех, кто ходит на протезах — это вены, которые пережимаются этими протезами. Кровеносная система дает сбой и дальше уже любви, даже самые навороченные протезы противопоказаны. Так что беспомощной мама стала тогда, когда Олег вырос и окреп. В самую пору любовных приключений, Олегу было не до них. На пенсию инвалида войны и его жалкое пособие по уходу за инвалидом, они бы не выжили. Помог тогда Юрик (тот самый Бедный Йорик). У Олега появилась возможность подрабатывать на реализации театральных билетов.

Берешь пачку билетов и идешь в ближайшие НИИ в их обеденный перерыв всяческими пересказами и отсебятиной в манере Ираклия Андроникова, после чего дамы приобретают билеты и ты имеешь свой законный процент за реализацию.

Ольга Краузе

Вернее, процент не совсем законный, поскольку официально ты не оформлен, но кто ж про это знает? Официально оформляться никак нельзя – можно потерять пособие по уходу за инвалидом. А когда Юрика арестовали и стали копать его окружение, то зацепили и Олега.

- А что у Вас общего с таким-то гражданином?

- Я люблю театр и, благодаря этому гражданину, могу попасть на интересующий меня спектакль.

- Да, Вы тунеядец! Сидите у государства на шее, прикрываясь мамочкиной инвалидностью! Откуда у Вас средства на походы по театрам?

- Вы правы. Я посещал театр исключи-

Катюшкин Сад

тельно по приглашениям и по контрамаркам.

- А за какие такие заслуги этот гражданин Вас одаривал? У вас была интимная связь?

- Вы странные вопросы задаете - какая может быть интимная связь с женщиной? Извините, но Вы тут что-то путаете. И он меня не одаривал. Я помогал ему в распространении билетов по предприятиям.

Вот на этом Олега и скрутили, и он сел за спекуляцию.

Конечно, его хотели зацепить по статье за мужеложство. Тогда разнарядка была сверху на громкий процесс против «голубой банды», власти все никак после «Голубой лаборатории» успокоиться не могли, но ничего у них не вышло. Так что будем считать, что Олег легко отделался, если не тот факт, что беспомощного инвалида оставили без надзора и ухода. Но, слава Богу, «голубая банда» своих в беде не бросала. Пока Олег сидел, Гишпанец, подрядил Андрюшку навещать Антонину Степановну. Про судьбу несчастного инвалида прознала и Клавдия Ивановна. Она тоже стала ездить с Петроградки в Купчино. Фронтовая юность сблизила и подружила старушек. А суровый, но нежный сердцем Нифертетка, раз в неделю проводил с ней полный курс физиотерапии. Причем, никто, кроме Гишпанца, раньше того Олега или не замечал, или, вообще, ни разу в глаза не видел.

Когда же нашего бедолагу из закрытого лагеря в

Горелово перевели на «химито» в Кингисепп, и у него появилась наконец-таки возможность раз в неделю приезжать домой. Вот тогда-то Андрюшка с Олегом и познакомились, и сошлись, и не расставались до самого конца.

ЛЕНОЧКА

Лешка привадил к себе людей не нашей масти. А все через кришнаитские заморочки его приживалок. Миссионерство развели, молебны с песнями и плясками. Пришла к ним как-то одна молодая супружеская пара. Его мы называли Карломарса, поскольку был похож на автора «Капитала». Такой самовлюбленный индюк с бородой и в жилетке. На шее платок, на старинный манер, в жилетке карманные часы с цепочкой. Причем, для симметрии, две цепочки. На которую из них он часы цеплял, мы не разглядывали. А ее звали Леночка. Очень милая, приветливая тихоня, с нашего Лешки не сводила глаз и в рот ему смотрела. На кришнаитские заморочки они быстро забили и задружились с Лешкой на почве самиздата. Именно они стали внушать нам, что мы никакая не банда, а настоящие неформалы. И теперь, кроме песенок под гитару и танцев под Вадима Козина, оркестр Цфасмана, Константина Соколовского и прочих звезд советской эстрады тридцатых годов, мы стали слушать Галича и читать Солженицына. Не все, конечно, но ведь и к Лешке не все из Катюкиного сада были вхожи.

Катюшкин Сад

Лично я, с появлением этой парочки, к Лешке зачастил и старался между рейсами обязательно попасть на очередное мероприятие. Вот и в тот вечер, уже сворачивая с Большого проспекта на Гатчинскую, столкнулся лицом к лицу с Леночкой. А

на Леночке лица не было, бледна до голубого с зеленою, вся трясется и вот-вот на землю рухнет. Я ее подхватил и в ближайший двор, на скамейку.

- Девочка моя, что случилось? Ну-ну, тихо-тихо, у меня дочка растет, скоро, как ты будешь,

Ольга Краузе

мне, как папке и поплакаться можно.

- Я от мужа ушла.

- Как ушла?

- А так, сказала, что больше его не люблю, что полюбила Лешу. Он «Ну и ступай к Леше!». Я и ушла. Ну вот, пришла к Леше, а он, как услышал мои признания, покраснел и стал кричать, что ни к кому, никогда в женихи не набивался и на чужую жену не зарился. Я и убежала.

- Теперь куда, к родителям?

- Родители в Перми. Так свалиться к ним... Сейчас бы комнату снять, но до полочки ничего не выйдет.

- У меня в Разливе частный домик, я там с мамой живу. Комнату тебе и так выделю, на улице не останешься и денег не возьму. В доме удобства я оборудовал, так что во дворе только цветочки нюхать. Электрички ходят часто и автобус есть, а с мужем твоим я поговорю. Это же просто молодецкая глупость! Любили-разлюбили, разбежались! Вы супруги, а не любовники. Временные влюбленности это испытание брака на прочность. Тем более, что все мы понимаем, Ваше увлечение Лешей, и Ваш супруг...

- Не надо ни с кем говорить, надо просто как-то дальше жить. А как?

- Ладно, держитесь. Все равно надо съездить к мужу за вещами.

- Да, Вы правы, я встречаться с ним не готова.

Катюшкин Сад

- Я позвоню ему, пусть соберет все Ваше, а я заеду и возьму.

С Карломарсой на правах старшего, я не церемонился.

- Какой же ты муж? Какой ты, после этого, мужчина, если не защищаешь свою жену?

- А на нее кто-то напал? Что-то я не в курсе.

- Жену и от опрометчивых поступков тоже надо защищать. Ты ж прекрасно понимаешь, кто такой Леша и если твоя жена им увлеклась, то кто, как не ты, обязан был ее предостеречь.

- Она меня разлюбила, а кого она вместо меня предпочла, это уже не моя забота!

Ну, о чем еще с этим индюком говорить? Леночка поселилась у меня, в Доме Доцента. Маме я сказал, что это дочь коллеги из Перми, которая поссорилась с мужем и будет у нас жить, пока все не устаканится. Маму это не удовлетворило и она отчаянно занялась моим сватовством. Я пытался ей дать понять, что к Леночке питаю скорей отеческие чувства, но она была непреклонна. Так что Леночка прожила у меня не долго. Однажды, когда я отсутствовал в рейсе, она объявила маме, что помирилась с мужем и ушла. Вещи не забрала, но я подумал, что пусть теперь Карломарса шмотки вывозит, раз одумался. Но тот что-то не торопился и только через месяц, мне позвонил.

- Тут к Леночке родители приехали, ищут ее. Лешка сказал, что она у тебя живет.

Ольга Краузе

- Жила, потом заявила, что к тебе вернулась. Остались только вещи.

Леночкины родители явились вместе с Карломарсом и милицией. Очередной рейс пришлось отложить. Как сказал следователь, мне повезло, что я живу не один, а с мамой. А я до сих пор склонен думать, что без моей мамы Леночка не сбегала бы так скоро. Они перекопали весь участок, вскрыли пол, перетрясли чердак и погреб. Они еще долго бы меня муряжили, если бы ее останки не нашли, наконец-таки в Сестрорецком морге. Опознали по пальтишку, вернее по клочкам от него. Все случилось на отрезке железнодорожного пути Разлив – Сестрорецк. Нашлись и свидетели, которые видели, как девушка ходила туда-обратно вдоль железнодорожного пути Разлив – Сестрорецк. Нашлись и свидетели, которые видели, как девушка ходила туда-обратно вдоль железнодорожного полотна и в конце концов бросилась между вагонами электрички. Это заметили не сразу, так что весь состав ее перемолотил. До гласности было еще далеко, так что у нас в стране все было гладко и ни по радио, ни по телевидению о таких происшествиях не сообщалось. Не хватились бы родители, зарыли бы Леночку неопознанной и дело с концом. А так, мы ее хоронили, хоть и в закрытом гробу, а все ж по-людски.

Матушка моя плакала навзрыд, а уж дома-то мне покаялась, как зудела Леночке, чтобы та ночью в спальню ко мне пошла и не-

Катюшкин Сад

нерешительность моты поборола. И Лешка признался, что Леночка еще раз к нему приходила и говорила, что ей от него ничего не нужно, только бы рядом быть и заботиться о нем. На что Лешка заявил, что в няньках не нуждается и снова выставил бедняжку за двери.

А Карламарса не долго безутешного вдовца из себя корчил, женился на дочке своего начальника и все у него путем.

ПАРТНЕР

Если кто-то решил, что я после Доцента соблюдал целибат, то пусть не обольщается. Живые для живых. Да, в дом никого не вожу. Все решилось непосредственно на службе, на почве наставнического почина. Бригадир прикрепил ко мне новичка. Новичок, женатик, отец семейства с явным голубым отливом. Таких у нас презрительно называют двустволками и дружбу с ними водить зазорно. И напрасно. Семейные не все как тот Ершов, большинство в отношениях гораздо чистоплотнее. Опять же, совместная работа в общепите, да при железной дороге. Медицинское обследование проводится регулярно. Мы не скоты и теплые чувства, и взаимная привязанность у нас была. И еще я знал, что он очень привязан к жене и любит двух дочек. Недаром все Вертинского напевает: «Доченьки, доченьки, доченьки мои! Где ж вы, мои ноченьки, где вы, соловьи!».

В рейсе от Питера до Котласа, мы соблюдали

Ольга Краузе

рабочую дистанцию, а вот в Котласе, отоварившись дефицитом перед обратным рейсом, позволяли себе запереться в служебном купе и расслабиться. Это придавало нам сил и восстанавливало гармонию с внешней средой обитания. Опять же, всех устраивало, что никто из нас не претендовал на совместное проживание. И только с ним я мог делиться воспоминаниями о своем Доценте, о той страшной истории с моим разводом, о жене, о дочери. И он отвечал мне взаимностью, советуясь, что привезти супруге и детям.

Катюшкин Сад

Но вот случилась беда с Леночкой и я не вышел в рейс. Конечно, в первую очередь позвонил ему и только после него бригадиру. Ему как своему близкому другу, я рассказал все, а бригадиру только то, что у товарища пропала жена и я в милиции, выступая как свидетель.

Мой партнер отправился в рейс без меня, в Котласе не расслабился и на обратном пути, видимо, был не осторожен и позволил себе сальную шутку, с кем-то из пассажиров. В Питер он не вернулся. Его нашли с перерезанным горлом, у железнодорожной насыпи, не доезжая Медвежьегорска. Народ в тех местах суровый, кто завербованный, а кто со справкой из колонии. Такие, как мы, для них дерьмо последнее, которому и жить не положено.

Так что, не успел я Леночку похоронить, как опять в морге, на опознании с новоиспеченной вдовой знакомился, очередные похороны с закрытым гробом справлял. Знамо дело - беда в одиночку не ходит.

СЕРГЕЙ СЕРГЕИЧ

Человек может проспять всю жизнь и проснуться в момент крушения э той жизни. Нина жила, как все - семья, работа, дом. Растила дочь, обстирывала мужа со свекровью и свекром, таскала с работы тяжеленные сумки провизии, чтобы прокормить домочадцев. Крутилась, как белка в колесе, пока колесо не рухнуло.

Арестовали ее прямо на работе, в столовой

Ольга Краузе

– взяли с полочным, полная сумка продуктов. А она и не отпиралась. Понимала, что ей просто не повезло. Первый раз ей не повезло, когда она после училища, получив распределение в шикарный ресторан Витебского вокзала, гордо отказалась от продуктового свертка, который ей вручили после смены. Она, видите ли, не такая, она с работы не тащит! А все тащат и кому она нужна, не такая? В этом деле или все, или никто. Ну, ее и выперли, от греха подальше. А дальше уже Нина кочевряжиться не стала – тащила, как все. Вот так вот все тащили, а не свезло только ей, поскольку рейд ОБХСников на ее смену пришелся.

Дальше суд и колония. На зоне ее никто «не грел», не было ни передач, ни посылок от мужа, ни свиданий с ним. И мужа у Нины больше не было. Он не просто развелся, а еще и дочку отсудил, чтобы алименты с Нины высчитывали.

Окончился срок и, вместо Нины, вышел из зоны Серега. Нет, по документам все та же Нина, да только вот кепка на нос натянута, штаны, фуфайка и говорит, что звать его Сергеем. Так уж вышло. И жизнь началась заново, и совсем другая. Матрасик на чердаке и мытье котлов в столовой при Апраксином Дворе. К торговле с судимостью не допускали. Но везде люди, а тем более бабы, народ сердобольной. Был при столовой левый бизнес, лепили-жарили пирожки на уличную продажу. Место проходное, бойкое и милиция своя, прикормлена.

Каткин Сад

Так что после котлов катил Серега телегу с пирожками по Садовой улице вдоль Апраксина Двора, Суворовского училища, по переулку Крылова с заездом в Каткин сад и обратно, чем и выжил до снятия судимости и возвращения права восстановиться в профессии повара. А уж к тому времени его вся голубая компания знала, и место хорошее ему получить подсобили.

Место было и впрямь хорошее, знаменитая Чебу-речная в начале Большого проспекта Петроградской стороны. И директор хороший.

- Не хочешь, чтобы тебя Ниной звали? А как хочешь? Серегой? Ладно, мне работник хороший нужен, а не Нина или Сережа. Ты только работай и будь, кем хочешь.

Вот так он тут и работает, уже до шеф-повара дослужился. Он теперь не Серега, а Сергей Сергееч, уважаемый человек. Дочка Нины выросла, поумнела, ушла от вечно пьяного папаши к матери, принаро-дно ее папкой величает, а как вышла замуж, да у Сергей Сергееча внуки пошли, так он и вовсе солид-ным стал.

А вот с личной жизнью, в плане амурном, ему долго не везло. То воровку пригреет, то пьяницу. Он уже было отчаялся вовсе, пока не сломал ногу, подскользнувшись на разлитой подливе. Люди везде свои, производственную травму оформлять не стал, зачем директора подставлять или эту замуганую уборщицу, многодетную мать и

Ольга Краузе

жену алкоголика?

А пока лечился, разговорился в очереди с интересной дамой со сломанной рукой. Дама оказалась вдовой, инженером геофизиком. Об чем они там говорили? Ну, сходили друг к другу в гости, подружились и съехались. Наш Гиппанец, самолично или квартирку на Марата присмотрел. И живут. Уже давно на пенсии оба.

ДВЕ РОЗЫ

Когда они появлялись, кто-нибудь обязательно затачивал романс:

Одна из них белая-белая
была, как улыбка не смелая.
Другая же алая-алая
сама, как мечта небывалая.

Белой была Марго - утонченная блондинка из Тарту. Алой - Наташка, жгучая брюнетка из Ургенча. Они познакомились на работе, в школе-интернате для умственно отсталых где-то под Сиверской. Наташка вела уроки пения, а Марго русский язык и литературу. Любовь была такая, что скрыть ее ну никак. Директриса эту буржуазную заразу решила искоренить радикально. Вскоре Марго откомандировали на курсы повышения квалификации в Ленинград. Но любви расстояния не страшны. И тряслась Марго после лекций в электричке до Сиверской, а дальше на автобусе до интерната. Если не успевала на последний автобус - перлась пешком пятнадцать километров. А утром, ни свет ни заря обратно тем же курсом. Тогда Наташку перевели куда-то под Тихвин, а Марго отправили в Выборг. Люди они подневольные, молодые специалисты без постоянной прописки. Девчонки не отчаялись - плонули на свои дипломы и пошли ученицами на водителя троллейбуса в ленинградский трамвайно-троллейбусный парк имени Блохина. Оттарабанили

Ольга Краузе

там лимитную прописку, получив постоянку, ушли из троллейбуса. Марго устроилась в таксопарк, а Наташка в буфет Варшавского вокзала.

Дураку понятно, что катать телегу по вагонам за скромную зарплату чистой воды идиотизм. Там все жили за счет спекуляции. Иначе и не имело смысла надрываться. Всех подкарауливали контрольные закупки, по всем торговым плакала. Каждый выкручивался, как мог. Я контрольных закупок не боялся. Честно работать – спокойно спать и дома, а не на нарах. Мой левый заработок были сигареты и жвачка, которые свободно можно было приобрести в Котласе или в столицах прибалтийских республик. В Ленинграде блоки «Malboro», «Camel» и прочие атрибуты заграничной роскоши разносились по ресторанам и театральным буфетам, продавались оптом таксистам. Прибыль превышала зарплату в пять раз.

Вот так, на коммерческой основе, судьба свела меня с Марго и Наташкой. Азартные девчонки шли ва-банк. Еще вчера снимали роскошную квартиру на Рубинштейна, а сегодня уже своя кооперативка в Гавани и жигуль-семерка в гараже. И вот уже обе отдали свои трудовые книжки Гинпанцу и крутятся на подпольном бизнесе. В СССР, весь частный бизнес подпольный, даже если ты инвалид и право на патент имеешь.

Каждый раз, при встрече, Марго меня обрабатывала:

Катюшкин Сад

- Деньги в Сбербанк на книжку класть не выгодно. На свое имя такие суммы... На предъявителя стремно. Покупай баксы.

- А баксы не стремно? Вон у тебя сколько собственности! Прижучат и конфискуют.

- Не конфискуют, Не каркай. Все на Наташку записано и храним не дома.

Я ли накаркал, или кто другой, но Марго попала. Был суд. Наш адвокат Валера ее защищал. Валера всех, кто по уголовке из наших проходил, защищал. Он только по мужеложству не защищал, поскольку сам подставляться не хотел.

На суде Наташка рыдала в голос, клялась-божилась, что будет ждать, хоть всю жизнь.

И не всю-то жизнь Марго сидела, да Наташка и года не протянула - вышла замуж за финско-подданного, продала нажитое Маргариткой добро и усвистела к мужу в его хутор, крутить хвосты финскими коровам.

Марго отбывала срок в Саблино, от Питера не далеко и нам с Гинпанцем «греть» ее было сподручно. Тем более, что и в тамошней администрации свои люди имеются. Наташкино предательство она переживала долго, но «встоду жизнь» и закрутился у ней роман с одной душевной дамой, отбывающей срок за хищение в особо крупных размерах. Была ли та дама на самом деле расхитительницей народного добра или ее подставили? Судя по тому, что на зоне ее никто «не грел», то, скорее всего, под-

Ольга Краузе

ставили.

Опять у Марго сумасшедшая любовь, а срок идет. Прямо как в блатной песне: «Прошли года и кончился твой срок». А даме еще сидеть и сидеть. Марго из зоны выходить не хочет, просится вольнонаемной, не берут. Насилу вытолкали, так она комнату в поселке сняла и круги вокруг зоны нарезает. Наша майорша Валере звонит.

- Примите меры, ее же охрана пристрелит!
- А мы-то что можем?
- Хоть силой, хоть в мешке но увозите скорей!

Ну, мы с Гиншпанцем приехали, коньяком ее поили, поили, напоили, в мото копеечку погрузили и увезли. А как она протрезвела, стали хором увещевать.

- Сама посуди, какой прок с тебя в Саблино, под колоточкой? Ты же знаешь, чтобы твоя подруга там ни в чем не нуждалась, тебе сейчас надо всю лагерную администрацию кормить и одевать. А ты еще и поднадзорная. Так что не валяй дурака, оформляйся стекломоем. На это место уже человек хоть сегодня готов идти пахать.

И Марго снова впряглась в бизнес. Те же операции с валютой, но уже работала с оглядкой. Дама вышла через пять лет. Марго ее забрала на новенькой мазде и привезла в свою квартиру с евроремонтom и румынским гарнитуром. Так они и живут вдвоем. Скромно и уютно. Марго с Гиншпанцем общий бизнес замутили. Он в Испании – она в Эстонии. Зимой ездят загорать в Тунис или Маро-

Катькин Сад

кко, а летом живут на даче под Пярну. Там у Марго от ее деда крепкий дом стоит, на их век хватит.

Мы давно романс про две розы не поем - он уже не в тему.

РАЗГОВОРЫ - СПЛЕТНИ

Иногда, под вечер, приходят посидеть на лавочке в Катюкин Сад старичок со старушкой. Молодые-то в их сторону и не смотрят, они ж не знают кто это, а мы обязательно подойдем и раскланяемся.

- Здравствуйте, Сергей Сергееч, наше почтение! И рядом посидим, вспомним былые годы, прежний Катюкин Сад, который уже не тот, или тот да мы теперь другие. Кто без вести пропал, кто уехал в родные края или чужие страны, кто сам на тот свет отбыл, кому помогли. Как только начался развал Союза, Нифертетка заявил:

- Здесь я чурка-гамадрилла, а на Родине я казах, представитель титульной нации! Моя Родина Казахстан! Пора на Родину.

И уехал.

Уехал и Гишпанец. Он и вправду оказался испанцем. Мама его была из детей привезенных в СССР еще до войны, когда «советские добровольцы» пытались отнять землю Гренады у Франко и отдать ее крестьянам. Так ли это на самом деле или он, как всегда, извернулся и раздобыл нужные справки, мы не знаем. Но живет он теперь в Барселоне. Нет, он там трамвай не водит, у него своя турфирма. Зря что ли человек мечтал экскурсии по нашим местам организовывать?

Шурик Заремба, как свой срок отмотал, так вернулся в родной Киев и больше в Питер ни ногой. Когда стали создаваться всевозможные

Катькин Сад

правозащитные организации, о нем ни кто и не вспомнил. А зачем? Куда как лучше объявить себя первым. Он так и умер там одинокий и злой на весь мир, а международная амнистия в его сторону даже не пикнула.

И Одуванчик теперь живет в Мюнхене. А Лешка в Гамбурге, причем, отнюдь не дворником, имеет там свой строительный бизнес.

Я, как вышел на пенсию, так стал работать гардеробщиком в театре. Не сидеть же дома? Ведь у меня теперь еще и внук растет, надо после себя хорошее наследство оставить.

Мало нас прежних, кому есть о чем вспомнить. Теперь вот рыночная экономка и Катькин Сад задела. Забегают разные красавчики.

- Я вообще-то женат, просто подзаработать немножко надо.

Нынче здесь еще и «подзарабатывают». Да, ладно, теперь на нашей теме кто только руки ни греет. Старый завсегдашай дядя Кузя любит об этом пошудачить. Его альтруизмом не проймешь – враз благие намерения развенчает.

- А вы слышали? - В Москве, у Женьки Дебрянской клуб отжали!

- Вот гады!

- А тебе-то что? Вор у вора дубинку украл! Одной спекулянткой за счет нашей шкуры меньше!

- Ты че? Она же главная лесбиянка России!

- Ага! Щаз! Бывшая жена и бессменная сорат-

Ольга Краузе

ница профессора Дугина, вот кто она.

- Какого Дугина?

- Да, того самого, который сказочку про Новороссию нашему Путяре на заказ сочинил, чтобы сподручней было твой родной Луганск с Донбассом бомбить, дом твоей мамки разорять.

- Вот гнида! А лесбухи-то куда глядят?

- А ты сам-то много разглядел, когда бегал НАШКРЫМ кричал?

- Дык, он же теперь наш!

- И, что тебе с этого? Ты в том Крыму был?

- А как же! Три года назад, летом дикарями с Толяном ездили. Там наши целым палаточным лагерем стоят.

- Вот и пиши об том мемуары, больше не стоят.

- Почему?

- Потому, что Крымнам и кубанские казаки, с донскими вперемежку побережье патрулируют, чтобы такие, как ты расслабиться не могли.

- А как же Петя Есаул, он же наш! Мы ж за него тут агитировали всех, чтобы в депутатах наши люди были. Я сам по телевизору видел, как он выступал, что надо крымских людей от бандеровцев спасать.

- Петя орал не зря, он там у местных, под песню про бандеровцев и правосеков ресторанчик с гостиницей отжал и теперь в шоколаде. Вот только вас, агитаторов, туда не пригласят, а на-

оборот, вас всех теперь из Крыма взашей.

Катюшкин Сад

- Какой ужас! А я не знал.

- Вот и выкручивайся про свое «не знал». Эти подлюки в депутаты пролезли и нам же теперь гайки закручивают.

- Зачем?

- Чтобы ты заткнулся и нигде про них ничего не ляпнул, а ляпнешь, так тебя по новым законам за гей-пропаганду на пятнадцать суток прижучат. Все, как в песенке выходит:

Где ни плетешь, повсюду наши,
ты глаза не отводи.
Кто кадиллом дымно машет?
Кто в правительстве сидит?
Им особо эту тайну
нет резону раскрывать.
Про Володю и про Ваню
нам приказано молчать.

- Здорово! А Ваня кто?

- Кош в пальто! Вот ты зачем в Москву едешь?

- В клубах тусить.

- Тебе нашей «Центральной Станции» с «Малевичем» что ли мало?

- Здесь засветиться стремно, мало ли на какого своего босса наткнулся и плакало мое теплое место в офисе.

- А где у тебя гарантия, что в клубе у Дебрянской тебя скрытой видеокамерой не засняли и не числишься ты теперь в картотеке для вербовки у товарища Дугина?

Ольга Краузе

- Зачем?

- Да, мало ли зачем! Вот ты родом с Луганска и пошлют тебя в тамошние войска ополчения, за их гребанную Новороссию воевать.

- А я не пойду!

- А они тебе клубную запись предъявят. Ну-ну, не плачь. Куда же ты убежал?

- Кузя, че ты к парнишке прикопался? Ему и так не сладко!

- А пусть головой думает, а не задним проходом.

- Много ты думал в его возрасте, когда сперма в уши давит и собственный хрен тебе по лбу стучит.

- Да, ты прав! Кабы я в его возрасте думал, то сегодня здесь, с тобой, на лавочке не сидел.

Может быть я и мудила,
и дружок мой пидорас,
но кремлевский Чикатила
нам уж точно не указ!

- Атаас! Рвжый Милон-Гормон идет! Сейчас начнется комедия.

- Здравствуйте, дяденька!

- Я тебе руки не подам – мне противно.

- А чего ж тогда пришли?

- Того и пришел, чтобы сказать вам всем, как вы мне противны, содомиты проклятые!

- А может не по этому, а потому что простата замучила, а батарейки в вибраторе сели? Может, хочется и колется?

Катюшкин Сад

- Ты, мразь, мне эти гадости говорить не смей!
Вы тут все друг друга в жопу пилите, так думаете,
что и все такие?

- Нет, не все, а только те, кого наши жопы забо-
тят. Вот тебе, дядя, какое дело, как мы распоря-
жаемся своими задницами?

- Тыфу на вас, мрази!

Ольга Краузе

- Куда же ты, дядя? А поговорить? Ой-ей-ей!

Нам до Елисева
два шага отселева.
Ой насыпьте монпасе,
я порадуя мусе,
чтоб конфетку он сосал,
ни к кому не пристава
дядя озабоченный,
на жопках замороженный.

ПОСЛАБЛЕНИЯ

Немцы, финны и американцы еще недавно сюда запросто заходили, и всяческие правозащитные организации тебе презервативы и брошюры против СПИДа на халяву раздавали. И мы узнали, что у наших свой флаг имеется – красивый, радужный. И целые залы еще пока снимают, когда для наших кино крутят или концерты проводят. Ну, кто бы мог подумать? Жаль, что многие из нас не дожили до этих дней. А Сергей Сергееч сомнительно так головой качает:

– Ой, надолго ли эти послабления?

– Нет, не на долго, уже кончатся.

А какие послабления? Ну да, облавы менты в Каткином Саду больше не устраивают. А зачем, когда можно гламурного офис-менеджера у гей-клуба подкараулить, в машину затолкать, на Волковское кладбище его подвезти, припугнуть как следует, а потом сопроводить к банкомату, чтобы он снял со своего счета все и отдал вместе с айфоном и прочими гаджетами, за право остаться более менее целым. Так то оно куда проще и выгоднее, чем раньше.

Вот такие «послабления».

Мы здесь все равно не люди и, чтобы выжить, надо держаться своих. И в клуб ребятами своей компанией ходить, чтобы не могли менты их поодиночке подкарауливать. А еще вернее, обходить эти клубы десятой дорогой. В стране, где нет защиты нестандартного человека на законодательном

Ольга Краузе

уровне, где любое нападение на нас оправдывается только тем, что мы не похожи на всех остальных, такие клубы хорошая приманка для садистов, убийц, и грабителей всех мастей. Так что лично я все еще предпочитаю наши старые и добрые квартирники с засекреченными явками и паролями, только для своих. Тем более, что таким старикам, как я, в этих клубах делать нечего – сыпанут клофелину да и ограбят до трусов. Какой еще с меня интерес?

САМОКАТ

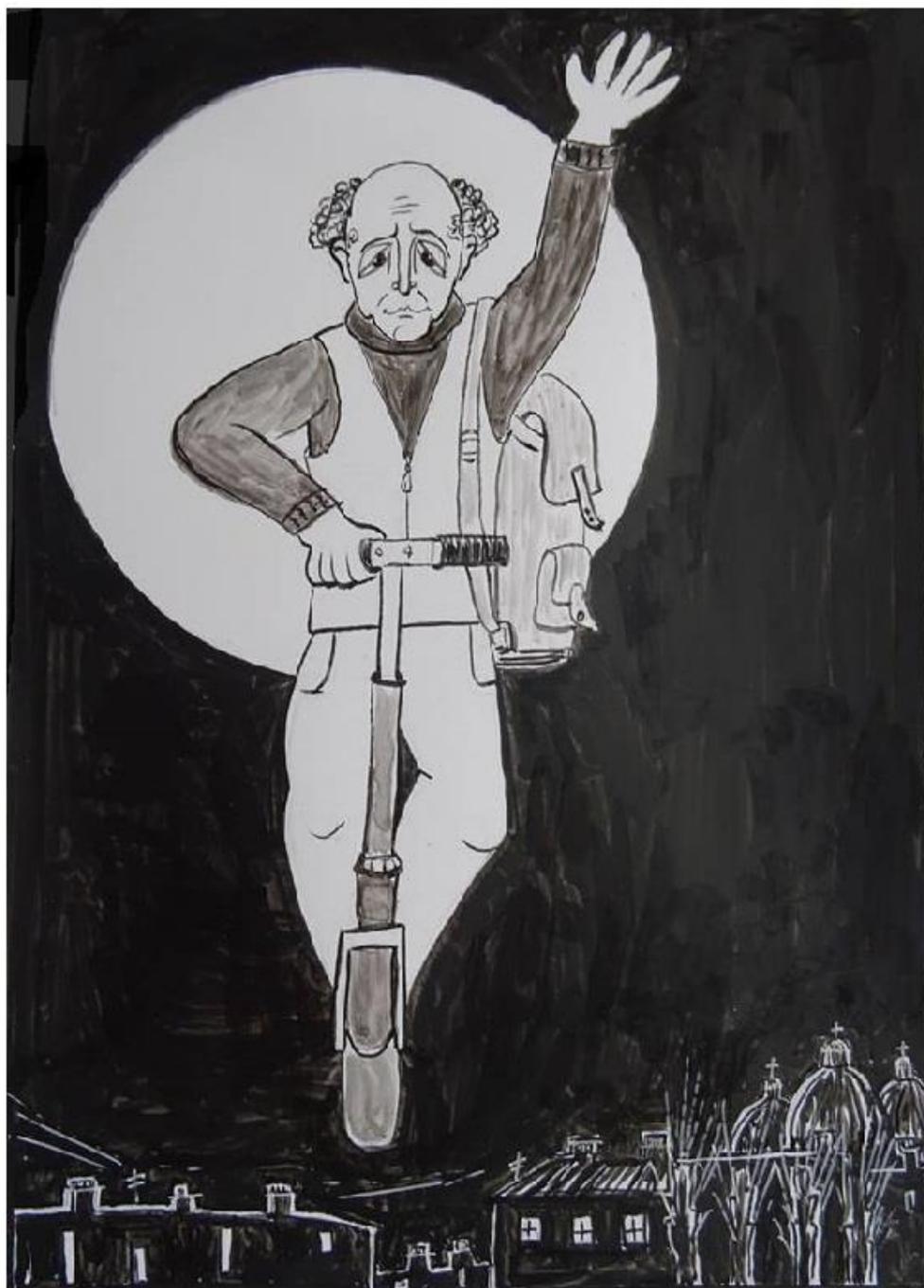
Эх! Вся жизнь пролетела! Или не вся, или еще остатки имеются. А может быть зря я на судьбу сетую? Жил с тем, кого любил, а не с тем, с кем авось да стерпится. Хватило ума любящую мамулю не послушать и в дурдом на лечение от своей любви не загнать. Какой изувер придумал человека от любви лечить? Как это любовь правильная и любовь не правильная? Всякая любовь священна, а нелюбовь порождение зла. Ладно, поразмышляю об этом по дороге. Пора на самокат и по городу. Пристрастился я нынче на самокате гарцевать, очень удобная штука и никакие пробки не страшны. Летом в театре у гардеробщика работы мало. По старой дружбе Юрик (тот, который Бедный Йорик) пристроил меня без официального оформления в одну из своих контор курьером. В стране безработица зашкаливает, а наш старый междусобойчик все еще в действии. Хочешь работать? – Пожалуйста. Если ты пальцы веером не гнешь, то реальная работа для тебя всегда найдется. Вот я и приспособился на самокате по городу рассекать. Мой старенький автомобиль давно продан и больше никаким авто я обзаводиться не стал. Мороки много, а толку мало. В одиночку проще без него.

Спасибо Гишпанцу, зазвал в гости. Съездил я в Барселону, поплясал у них на Европрайде, посмотрел, как там живут мои одноклассники и, вернувшись, оседлал самокат. Никакие пробки не страшны: где дворами проеду, где тротуаром

Ольга Краузе

проскачу или у самого края, возле поребрика. Навер-
но, зря я на судьбу обижаюсь. Если глянуть на ровес-
ников, что заходят в наш собес, так все сплошные
мухоморы, а я еще ничего, еще толкаю землю — еду.

СОДЕРЖАНИЕ

Наследство -----	2
Крах -----	3
Дом Доцента -----	7
Гишпанец -----	14
Нифертетка -----	18
Эдвин -----	28
Сонька Золотая Ручка -----	31
Гришка Жиголо -----	35
Беня Крысолов -----	43
Лаборатория -----	47
Квартирники -----	51
Бедный Йорик -----	55
Одуванчик -----	57
Романтический ужин -----	60
С небес и в бездну -----	62
Андрюшка -----	65
Задохлик -----	75
Невеста -----	77
Олег -----	81
Леночка -----	84
Партнер -----	89
Сергей Сергеич -----	91
Две розы -----	95
Разговоры – сплетни -----	100
Послабления -----	107
Самокат -----	109

Эту книгу для вас создали

*Ольга
Краузе*

контактный адрес:
krauze.olia2010@yandex.ru

и

*Тамара
Пагава*

контактный адрес
tamriko.mur@yandex.ru

Ваше мнение будет рассмотрено, а желание инвестировать следующий проект учтено.

Санкт-Петербург - Харьков

2016
ГОД